КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПОЭМА

Георгий Горький
(г. Москва)

СВОБОДА*

Повесть

Настоящее имя — Георгий Панкратов. Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014). Участник лонг-листа литературной премии «Ясная поляна» (2015). Лауреат конкурса «Северная звезда — 2014» журнала «Север». Финалист Международного литературного форума «Славянская лира — 2015» (2-ое место по версии зрительских симпатий). Финалист Международного литературного форума «Славянские традиции — 2015». Финалист литературной премии «Золотая тыква» (2014). Третье место на межрегиональном литературном конкурсе им. Твардовского «За далью даль» (2014), участник лонг-листа конкурса «За далью даль» (2015). Полуфиналист премии «45-й калибр», сезон 2013—2014. Обладатель диплома в номинации «Особый взгляд (Поэзия)» на всероссийском конкурсе «Верлибр» (2015). Родился в Санкт-Петербурге, в разное время проживал в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Омске. В настоящее время проживает в Москве и Севастополе. Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Кольцо А» (Москва), «Волга — 21 век» (Саратов), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Интеллигент-Москва» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев, Молдавия), «Luterratura», «Первая роса» (Ульяновск), «Пегас» (Санкт-Петербург), «Артбухта» (Севастополь), «Процесс» (Прага, Чехия), «Эрфольг», «Русская жизнь», «Новая реальность», «Литературно-философский журнал «Топос», «Ликбез», «Истории о любви», «Мастерская Евгения Берковича», «45-я параллель», «Современная сетевая словесность», «Город Пэ», «День литературы».

* * *

— Ты чего, дура! — кричал омоновец.— Он хотел убить нас, расстрелять, не понимаешь?

— Не отдам, не отдам,— ныла девушка, а женщина в платке стала перед ними на колени, не давая пройти.

— Мы заберем его домой,— просила девушка.— Он молодой совсем.

---

* Окончание. Начало в «ПЗ» № 3, 2015.

— Кругом война! Вы же ее и объявили.

— Мы не объявляли,— стонала девушка.— Мы не объявляли.

Омоновцы остановились и стали спорить между собой, что делать. Аксель увидел, как один из них махнул рукой. Что говорили омоновцы, он не слышал. Они отпустили парня, развернулись и пошли в сторону проспекта Королева. Парень присел и стал обнимать плачущую женщину, затем они встали и пошли вглубь двора, скрывшись из виду.

— Дуры чертовы,— выругался Аксель. Надежды на то, что омоновцы вернутся обратно с проспекта Королева, было мало: слишком велика там численность воинов Свободы, и слишком хорошо они вооружены.

Но ждать и не пришлось. Совершенно неожиданно Акселя кто-то ударил сзади, да так сильно, что он упал на колени и ударился головой о низкий забор. За ударом последовал еще один, и Аксель закрыл глаза, мысленно смиряясь с судьбой. Но больше его не били. Он почувствовал, как чья-то рука хватает его за руку, а другая — открывает ключом наручники. «Откуда у них ключ? — подумал Аксель.— Почему у этих ребят всегда все с собой?» Набравшись храбрости, Аксель решил посмотреть на спасителей.

Перед ним стояли двое парней в джинсах, футболках и — почему-то — зеркальных очках. На вид — не особо сильные. «Однако, удары крепкие» — отметил Аксель. В руках у каждого был автомат. Воины Свободы, сомнений не было.

— Слава Воинам Свободы,— осторожно и как-то неудачно произнес Аксель. Он понимал, что знакомство, начавшееся с ударов по голове, вряд ли приведет к чему-то хорошему.

— Ты пленник,— сказал один из парней.— Ты не воин.

В подтверждение своих слов он направил на Акселя автомат:

— Идешь с нами, понял?

Аксель хотел было начать рассказывать про блог, про выступления на радио, но вдруг понял, что все это бесполезно. Воинов Свободы не интересует его биография, может быть, заинтересует тех, к кому его приведут? И вообще, куда его приведут? И зачем? Почему его не убивают, как остальных, сразу. Значит, шанс все-таки есть.

— Нужны деньги,— коротко сказал парень в очках.

— Зачем тебе сейчас? — спросил его второй.

— В штаб собираем, забыл?

— Ну так пойдем.

Вместе с Акселем они завернули во двор дома, обойдя разрушенный магазин, и направились в ближайший подъезд. Один парень позвонил в дверь квартиры на первом этаже.

— Открывайте,— заорал он. За дверью послышались какие-то звуки, но открывать не спешили. Парень отошел от двери, разбежался и ударил в нее ногой. Деревянная дверь не выдержала.

Навстречу непрошенным гостям выбежал, мурча приветливо, рыжий кот; один из парней пнул его со всей силы ногой, и кот улетел в кухню. Все трое прошли в комнату и увидели молодого человека, сидевшего перед монитором, а напротив него — в кресле напуганную женщину.

— Что вам нужно? — спросил молодой человек. Он был бородат и татуирован, по всей видимости — неформал. Стены комнаты были увешаны постерами рок-групп, а из колонок еле слышно доносилось:

Я свободен, словно птица в небесах
Я свободен, я забыл, что значит страх

Убогое убранство жилища говорило о том, что деньги здесь не водятся.

— Ты, раб,— крикнул автоматчик.— Быстро говори, где деньги.

— У меня в кармане,— отозвался рокер.— Только я вам не дам.

Парни бросились к нему и начали монотонно избивать. Аксель стоял, совершенно не зная, что делать. Бежать? Это было бессмысленно. Улицы захвачены Воинами Свободы, и теперь Аксель точно знал, что среди них он не будет своими. Остается только стоять. Только смотреть. Не за это ли он так ненавидел рабов?

— Господи, что же делается? — запричитала женщина. Она подскочила к Акселю и упала перед ним на колени.— Пожалуйста, скажите им. Это мой сын. За что они убивают его? Умоляю вас, скажите им, чтобы не убивали. Пожалуйста.

Аксель не знал, что сказать. Он отвернулся от женщины, прошел на кухню, открыл холодильник, увидел упаковку сока, открыл ее и начал жадно глотать. Становилось легче. Допивая сок, он услышал два выстрела — практически одновременно. Голоса затихли. Парни в очках вышли из комнаты и направились к выходу, Аксель присоединился к ним.

Теперь он понимал, куда его ведут. Выйдя из дома, они свернули на Хованскую улицу и отправились в сторону парка ВДНХ. Возле ворот стоял импровизированный блок-пост, вооруженные бойцы охраняли вход на территорию парка, а специальный человек в костюме и галстуке лично встречал каждого, интересовался, кто он и куда направляется. Его одежда совершенно не вязалась с ситуацией, поэтому Аксель, забыв о своей беде, долго и удивленно смотрел на человека.

— Этот с вами? — спросил человек в костюме, указывая на Акселя.

— Пленник,— коротко ответил парень в очках.

— Выходить будет?

— Не думаю,— улыбнулся парень.

Аксель расслышал этот ответ, но страшнее уже не могло стать — какой-то порог ужаса был пройден, и теперь он уже просто воспринимал все происходящее как должное: будь что будет. Перед тем, как войти в парк, он увидел наспех растянутую над воротами тряпку. «Антинародный штаб» — гласила надпись.

— Антинародный штаб, антинародный парк — прошептал Аксель.— Что ж, теперь и ты стал народом.

Аксель знал парк ВДНХ очень хорошо: он часто бывал здесь, приезжал отдохнуть с девушками, друзьями, сидел в уютных ресторанчиках, бродил между величественных павильонов, превратившихся в декорации. Внутри павильонов продавали всякие безделушки, белорусские товары, книги. Люди ходили с леденцами и сахарной ватой в руках, искали, чем занять себя. Из больших бочек торговали квасом, стояла огромная очередь за известными на всю Москву пончиками, кавказцы зазывали на шашлыки, узбеки — на плов. Люди развлекались как могли и как умели. Катались на машинках, роликах, фотографировались возле фонтана, знакомились, расставались, обсуждали деловые предложения, сидели на скамейках с ноутбуками — так часто делал и сам Аксель, размещая свои посты. Но теперь все изменилось: на ВДНХ пришла Свобода.

Повсюду ходили сосредоточенные люди в масках, прямо посреди улицы готовилась еда в огромных котлах, кафешки были разрушены, многие сожжены. На стенах павильнов появилась черная копоть — большинство из них горело. Аксель не знал, что здесь произошло — он посмотрел на своих конвоиров — парней в зеркальных очках — и подумал было спросить, зачем жечь павильоны — неужели их брали с боем? — но передумал. Жгли, значит, так было нужно в интересах Свободы. Это слово было на каждой стене, им был исписан даже асфальт, его произносили все, кто проходил мимо них. «Свобода пришла, свобода, город взят» — говорили они. «Слава воинам Свободы!» — коротко отвечали парни в очках. Они вообще были неразговорчивы.

Под конвоем Аксель дошел до площади, где когда-то была ракета. Правда, сейчас она тоже была, но блогер не заметил сразу, потому что она не смотрела в небо, как это было раньше, а лежала на земле, преграждая площадь, по которой когда-то катались на роликах, а еще отсюда отправлялся смешной экскурсионный паровоз с маленькими вагончиками на пару мест. Аксель искренне удивился, как Воинам Свободы удалось снести ракету в такое короткое время. Это казалось невозможным. Но ракета лежала, поверженная и сильно пострадавшая. Ее пытались поджечь, только, по всей видимости, горела она плохо. Тогда ее просто исписали и, похоже, выпустили в нее не один десяток пуль.

— Поганый символ рабства,— зло сказал парень в очках.

— Построенный рабами для рабов,— отозвался второй.

Аксель сразу понял, куда его ведут, едва выйдя на площадь. Главный Антинародный штаб располагался бывшем в павильоне «Космос». Его блогер помнил хорошо — он делал оттуда фоторепортаж. Весь павильон был отдан в аренду продавцам семян и цветов, и они стояли, казалось, нескончаемым рядом — а павильон очень длинный — почти что до самой стены с огромными изображением Гагарина. Гагарин улыбался своей лучезарной улыбкой, как будто рекламируя: семена хорошие, качество гарантирую. Но сейчас Аксель, конечно, не ожидал увидеть в павильоне семян: над входом в него висел гигантский транспарант с надписью «Антинародный штаб». Что находилось в штабе, он мог только предполагать и готовился к худшему.

Но, к его удивлению, в самом деле в павильоне внешне все было по-прежнему. Ларьки с семенами просто закрылись, а их хозяев, по всей видимости, выгнали, или дали им убежать. Следов погромов или убийств здесь не было вовсе. Люди здесь ходили без оружия, и большинство из них как-то разительно отличалось от всех остальных воинов Свободы, которых увидел за сегодняшний день Аксель. Вокруг ходили привычные Акселю люди — креативный класс, как он их (и себя) всегда называл. Ему не нравилось это определение, но другого не было, да и потом — действительно, креативный, с чем здесь было не согласиться? Дизайнер, блогер, практически журналист, он был в этом обществе свой среди своих и даже выглядел всегда так же. Сейчас, оказавшись в павильоне, несмотря на уродливые декорации из закрытых ларьков, он чувствовал себя совсем не в штабе, куда его привели в качестве пленника вооруженные люди, а на светском мероприятии. Но самое главное, что оно так и было — не пройдя и половины павильона, Аксель встретил уже нескольких медийных персон, знакомых ему, к сожалению, только по фейсбуку. Повсюду были съемочные бригады — журналисты снимали обстановку, брали интервью у красивых и спокойных людей с мягкими голосами; здесь было полно девушек, и все они были выразительно и со вкусом одеты. Проходя мимо двух таких девушек, увлеченных беседой, Аксель услышал, что они обсуждают, как дизайнерски перестроить павильон — звучали слова «зонирование» и «подчеркивание светом». Да, света в этом павильоне не хватало всегда. Извинившись, девушки подвинулись и дали пройти людям с автоматами, ведущим пленника. Аксель откровенно оживился: все увиденное резко повышало его шансы на спасение. Он ведь и выглядел практически как все эти люди вокруг, выделялись из общей картины как раз автоматчики — именно они смотрелись здесь ужасающе странно и нелепо.

А тем временем они прошли почти весь павильон — предстояло подняться по лестнице, под купол — туда, где улыбается Гагарин. Точнее, улыбался. Аксель только увидел, что никакого Гагарина на привычном месте больше нет — стена завешена огромным полотном, на котором изображено совсем другое лицо — Аксель всего лишь пару секунд пытался вспомнить, что это за человек: в незапамятные времена он был ярким несистемным оппозиционером и даже баллотировался в

мэры Москвы. Впоследствии он провел долгие годы под арестом, но Воины Свободы обещали его освободить, и, если Москва взята, они уже наверняка это сделали, подумал Аксель.

Под куполом в хаотичном порядке были расставлены мягкие диваны, кресла с подушками, на которых сидели разные люди с ноутбуками белого цвета и сосредоточенными лицами. Они не обращали ни на Акселя, ни на автоматчиков никакого внимания. У стены стояла небольшая очередь из желающих «сделать лук», как говорили в компаниях, где вращался Аксель. Одни красивые девушки становились возле огромного портрета, другие их снимали. Внизу огромного полотна красовались логотипы знакомых Акселю СМИ — родного «Эха», «Свободы», «Слона», «Дождя». Надпись над ними гласила «Информационные партнеры антинародного восстания».

Автоматчики подошли к одному из диванов, на котором сидел скучающего вида человек с большим фотоаппаратом. На вид это был спортивный, и в то же время интеллигентный человек лет пятидесяти, обладатель седеющей бороды и очень тонких очков с едва заметной оправой. На ногах у него были желто-красные кеды. Человек просматривал снимки.

— Анатолий,— произнес один из автоматчиков.

Человек поднял голову и посмотрел вопросительно.

— Наш — не наш? — спросил автоматчик, указывая на Акселя.

— Этот? — голос человека звучал как-то нервно, при том, что внешне он был совершенно спокоен. Автоматчик кивнул.

— Нет, не наш,— ответил человек и уткнулся в фотоаппарат.

— Ну как же? — отчаянно закричал Аксель — Как же не наш? Наш я. Вы посмотрите на меня? Вы же мои блоги наверняка читали, мы в друзьях друг у друга есть, сто процентов. Вы же ничего про меня не спросили, в конце концов!

Человек снова отвлекся от фотоаппарата и поднял взгляд. На сей раз он был очень удивлен.

— Если ты сюда пришел под конвоем, значит, ты уже не наш. Ты мог убежать, тебя же не держали за руки. Свободный человек будет идти под конвоем?

— Меня грозились убить! — орал Аксель.

— Ну так, умер бы достойно, за идею.— ответил Анатолий.— А теперь умрешь как Шариков. В свиноводство его,— бросил он автоматчикам и резко встал со своего дивана.

— Так, ребята, хватит уже фоткаться, у нас другие дела есть. Освобождайте творческое пространство. Ребята и девчата, я кому сказал, ау! — Анатолий энергично захлопал, но девушки продолжали фотосессию.

— Ну расстрелы же, ребята, массовые расстрелы, которых вы так хотели,— продолжал Анатолий,— которые вместе с любовью спасут мир, как вы знаете. Давайте, освобождайте помещение.

Дверь слева от стены отворилась, и вооруженные Воины Свободы ввели людей со связанными руками. Их было человек тридцать, большинство шли молча, некоторые переговаривались.

— Мы не там искали врага, Вадим,— громко и сокрушенно произнес один из них, усатый мужчина лет сорока.

— Если бы мы знали,— отозвался парень в белом свитере.

— Я знаю только одно,— крикнул хрупкий юноша, по виду студент.— За нами все равно правда.

— Ой, ну какая правда, шутники? — громко перебил их Анатолий.— Какая у рабов может быть правда? Ребята,— крикнул он кому-то на диване.— Ребята, ребята! Включите музыку.

Один из людей, не вставая с дивана, нажал несколько кнопок на своем ноутбуке, и под куполом раздалась музыка:

Если ты не помнишь, ты ни черта не можешь
Сделать мне глаза видящими сон
Я урод и мразь, по твоим словам
Но я желаю встать
И идти по головам

— Что за музыка? — крикнула одна из девушек.

— Как, Любочка, ты не знаешь? «Синекдоха Монток», прекрасно, не правда ли? Рабы не поймут. Они и слов-то таких никогда не слышали.

— Ничего, скоро рабов не будет, скоро все будут слушать свободную музыку! — весело ответила девушка.

— Твоя правда,— кивнул Анатолий.— Мы ядро свободного восстания! Нас транслируют в прямом эфире! Вся страна теперь знает, что люди свободы пришли! Конец их шансону, конец Петросяну, конец их никчемным жизням! Прочувствуй момент! Всю жизнь гордиться будешь!

Парни в очках жестами и легким пинком развернули Акселя, и тот, отвернувшись от сцены, начал спускаться по ступенькам. Положение его теперь было катастрофическим. Навстречу прошли несколько вооруженных парней в черных футболках, и сзади послышался возглас приветствия:

— Ребятушки, только все делаем красиво,— запричитал Анатолий.— Медленно и красиво. Мне нужно сделать карточки. Я покажу тут некоторым красоткам, как нужно профессионально фотографировать. А не то, что вот, это возле стены. Так, этих баранов сюда ставьте...

Голос Анатолия постепенно утонул в окружающем шуме, и, уходя все дальше от этого голоса, Аксель совершенно точно понимал, что больше никогда его не услышит. В голове не было никаких мыслей, ноги и руки отнимались, и подступала тошнота — не экзистенциальная, сартровская, а самая настоящая, физиологическая тошнота. Он понимал, что из этой уютной творческой лаборатории, креативного кластера, колыбели новой революции XXI века, он выйдет не в мир, полный надежд новых людей, которые примутся строить прекрасное общество, а в какой-нибудь закуток возле павильона, где скорее всего, его пристрелят. Но, несмотря на отчаянное положение, ему не хотелось ни с кем говорить, ни о чем думать. «Может быть, моя жертва — необходима,— промелькнула мысль.— Ведь писали же мне, еще во время первых митингов, мол: против вас же и обернется. Но умереть во славу нового мира, может, не так уж и страшно».

Они прошли мимо павильона «Электрификация» по узкой и грязной дорожке и вышли к огромному полю, окруженному хлипким забором. Аксель помнил отлично это место: потому что в любой компании, один, а тем более — с девушкой — он стремился быстрее пройти его, а то и вовсе обойти другою дорогой. Здесь собирались самые специфичные, маргинальные посетители парка — из тех, что всем развлечениям предпочитают драки и алкогольные энергетики. Именно против них восставали первые Воины Свободы, но, видимо, слишком многих записали в их ряды.

— Стоит только начать,— медленно проговорил Аксель.— Потом не остановишься.

Его конвоиры никак не прореагировали на замечание. Выходило солнце, и Акселю пришлось прищурить глаза, осматривая поле. Да, он помнил его. С обеих сторон поля стояли многочисленные полувыломанные лавочки, а за ними, словно по чьей-то ироничной задумке — павильоны «Овцеводство» и «Крупный рогатый скот». В знакомые только по архивным видеозаписям времена Советского Союза на этом поле

действительно демонстрировали овец, свиней, коров и прочих полезных животных. Аксель всматривался в происходящее вокруг и пытался представить, какая роль будет отведена полю сейчас. Акселю становилось страшно. Он почувствовал, что кто-то сначала толкает его в спину, затем сильно бьет чем-то тяжелым — автоматом? — по спине, но у него не получается сделать и шага, он открыл рот, словно рыба, выброшенная на берег, выпучив глаза и пытаясь вдохнуть, но дышать тоже не получалось, и... «Если меня сейчас убьют — наверное, это будет не самый плохой вариант»,— подумал Аксель перед тем, как понять, что к его голове приближается огромная и черная стена, и он сейчас встретится с ней, не шелохнувшись даже, и эта встреча принесет ему долгожданный покой, и ужас — ужас, парализовавший сердце, наконец, отступит.

И он отступил.

По вечерам темнеют
В залах экраны,
И поют провода о судьбах
Коротких, как телеграммы

— всплыла в голове услышанная когда-то песня.

Красивая девушка с белыми волосами в красном коротком платье и открытых черных туфлях на тоненьком каблуке стояла, склонившись над Акселем, и гладила его лоб. Аксель чувствовал мелкую дрожь, охватившую все тело, и сухость во рту. Он хотел было издать какой-то звук, но не стал и только изобразил смущенную, полубезумную улыбку. Слепило Солнце, а может, это девушка в красном источала сияние, будто ангел. Откуда она здесь взялась?

— Пойдем,— она схватила его за руку и помогла подняться. Аксель посмотрел на себя: кто он теперь, помятый, избитый, окровавленный, извалявшийся в грязной земле? Интернет-воин Свободы, популярный и модный блогер или бессловесная скотина, туша, предназначенная на убой? Почему все случилось именно так, а не иначе?

Он снова поднял глаза на девушку. Но та отвернулась от него и бежала, подпрыгивая, словно взлетая над землей, и красное платье ее развевалось по ветру. «Нужно идти за ней»,— понял Аксель. Вокруг никого не было — куда бы он ни посмотрел. Ни единой души, ни автоматчиков, ни полицейских, ни той странной публики, встреченной им в Антинародном штабе — показавшейся ему близкой и ставшей чужой. Возле стен павильонов лежали трупы — это были люди в мешковатых одеждах, невзрачных куртках, потертых спортивных костюмах, дешевых пиджаках и джинсах. Они лежали друг на друге, перепачканные липкой грязью и собственной спекшейся кровью. На многих были отчетливо видны следы пыток: были вырваны глаза, отрезаны уши и носы. Среди них было много людей в полицейской форме, и, глядя на них, Аксель почему-то вспомнил омоновцев, отдавших женщинам избитого Воина Свободы. Кто-то сгреб тела в эти кучи, распределил возле стен, расчистив дороги, по которым теперь никто не шел — кроме девушки в красном, исчезнувшей за поворотом. Живые исчезли. Почему его, Акселя, не постигла участь тех, кто лежал с перерезанным горлом или изрешеченный пулями? Почему он спокойно спал, дожидаясь таинственной девушки? Может, потому что сон и есть — настоящая свобода, недосягаемая ни для воинов, ни для их оппонентов, настоящая, безграничная свобода, какая только возможна для одного человека. Для личности, как бы раньше сказал Аксель. Сейчас бы он так не сказал.

Он прошелся пустой дорогой мимо магазинчика, где раньше продавали мед, мимо полуразрушенного старого здания с новой металлической дверью — оно сдавалось под офисы — мимо «Мацепекарни», которую оголтелые современные фашисты

регулярно уродовали свастиками. Ей и сейчас досталось — двери были выбиты, и за ними зияла черная пустота. Вместо свастик на стене красовались надписи «Слава Свободе» и «Анти-народ». Впрочем, и старые свастики кое-где были видны.

Сразу после мацепекарни Аксель свернул налево: он помнил, что сейчас откроется вид на большой пруд, посреди которого стоит «Золотой колос» с огромной дырой. На этом пруду когда-то отдыхали любители водной романтики — на маленьких лодочках и катамаранах они подплывали к Колосу, высаживались и спешили сделать кадр на фоне дыры, а некоторые — так и залезть в нее. Сотрудники лодочной станции, суровые мужчины, раздетые по пояс, стремились перекричать всех отдыхающих, злились: — «Нельзя, нельзя! Запрещено».

Но теперь ничего не было запрещено. И взглянув в сторону пруда в надежде, что где-нибудь промелькнет красное платье девушки, Аксель увидел совсем другой красный цвет — его было гораздо больше, и он был темным и страшным. Вся вода в пруду была красной. Из нее торчали остатки человеческих тел — чьи-то руки, головы, фрагменты внутренностей, органов, и все они плавали в крови — казалось, что это не вода окрасилась в кровавый цвет — нет — казалось, что воды и вовсе не было, что это кровь поглотила воду, а не наоборот, и над кровавым прудом стоял пар и жуткий смердящий запах, от которого у Акселя закружилась голова и подкосились ноги.

Он в ужасе отвернулся назад, чтобы не видеть больше зрелища, и обнаружил, что рядом с ним стоит та самая девушка. Она молчала и загадочно улыбалась, словно не знала о том, что в нескольких шагах от нее — ад, и просто вышла с приятелем на романтическую прогулку. А позади нее уже собирались малыми группами мрачные люди с замотанными платками и шарфами лицами, с цепями и дубинами в руках. Они что-то кричали и поджигали огненные бутылки, и кидали в еще уцелевшие здания. Над ними поднимался черный дым, и девушка, вдыхая его, чуть шевелила носом и, казалось, что она на пике счастья, на гребне блаженства. На вершине мира. Но Акселю было страшно. Он смотрел на девушку робко, и только шептал неосознанно похолодевшими, мертвенно бледными губами:

— Это же был такой прекрасный парк... Зачем все это нужно? Зачем?

Девушка повернулась к нему, посмотрела ласковым взглядом, а затем протянула руку и погладила его по голове:

— Нет ничего прекрасней свободы.

Земля зашаталась под ногами Акселя, чем черт не шутит, может, для него уготован персональный ад, успел подумать он, или на что там еще способна эта девушка — Свобода ради своего экстаза и вдохновения. Но тряслась на самом деле не Земля — трясли его, Акселя, тело, которому оставалось преодолеть всего несколько минут до погружения в свой последний сон. Сейчас же ему предстояло проснуться, хотя он это слабо понимал.

Чья-то тяжелая рука, неведомая сила, растолкав Акселя, резко подняла его на Землю и толкнула в сторону поля. С трудом понимая, что происходит, он все же увидел, что поле превратилось в арену, окруженную по всему периметру автоматчиками, а на уцелевших лавочках, где когда-то проводили время любители маргинального отдыха, сидели люди в разноцветных, пестрых одеждах, с белыми телефонами в руках. Они шумно переговаривались между собой и жаждали начала зрелища. Повернув мутный взгляд в их сторону, Аксель заметил съемочную бригаду с камерой и микрофоном — чуть поодаль от них пишущие журналисты уже были готовы стучать по клавиатурам.

Крепкий парень в черной футболке с надписью FREEDOM вручил ему огромный кухонный нож и стеклянную пивную бутылку.

— Замахнешься на меня — пристрелю,— скороговоркой проговорил парень.— Выйти оттуда можешь только победителем.

Он толкнул Акселя на арену, где уже стоял, тревожно осматриваясь по сторонам, худой и бритый наголо молодой человек с кольцом в ухе. У того в руках был такой же нож, а пивную бутылку он поставил на землю.

— Итак, вот твой соперник,— крикнул ему парень в черной футболке.— Деритесь насмерть, как настоящее быдло. Пощады будет удостоен только один из вас. Только победитель.

Зрители зашумели, приступив к ставкам.

— Что вы от меня хотите? — спросил Аксель. В голове его стоял гул, как на стадионе в Южной Африке, где тысячи зрителей одновременно дули в вувузелы — да, наш Аксель успел побывать даже там.

— Деритесь,— крикнула какая-то девушка из зрителей, он повернулся и узнал ее: ошибки быть не могло, это она, Девушка-Свобода из его сна. Но почему, почему так? Акселю хотелось разрыдаться и упасть на землю.

— Вы же быдло, покажите нам настоящую поножовщину! — крикнула другая девушка.

— Бытовухи хотим! — заорала третья.

— Давайте, как омич против томича,— подбадривал пленников парень в футболке FREEDOM — Ты будешь омич, а ты будешь томич. Настоящее соревнование быдла. Вы ж только бухаете и режете друг друга по пьяни. А это разве не смешно? — он обернулся к зрителям, и те вновь зашумели.— Хотим веселья! Кто же победит на этот раз, омич или томич?

— Но мы не они! — закричал в отчаянии Аксель, выронив нож.— Я думающий. Я прогрессивный. Я блогер. Я не овощ, в конце концов. Почему вы этого не видите? В кого вы меня превратили?

— Какая разница? — громко и властно произнесла Девушка-Свобода — Быдло должно быть, значит, кто-то должен им быть. У нас здесь театр. У нас здесь хороший день. Пожалуйста, улыбайтесь нам,— и она сама улыбнулась ослепительной улыбкой.— Не портьте девушкам праздник.

Аксель понял, что он обречен. Он подошел к своему сопернику и оглядел его. Тот тяжело дышал и то поднимал глаза на Акселя, то отводил их. Ему было страшно.

— Ты боролся за них? — спросил Аксель.

— Ни,— покачал головой бритый парень.— Я приихав з Украини. Тамо все было як треба. А здесь — я не разумию, шо. Я не разумию. Я приихав як герой. Я хотив найкращого майбутня. Як у нас, титушок переризали — и счастье. Все пийшло не так, який-то сбой, ти разумиешь — сбой?

— Ты чувствуешь себя свободным? — мрачно ухмыльнулся Аксель.

— Так. Свободу не прирежешь, не убьешь. Прирезать можно тильки быдло. Ну ты шо расслабился? — он сделал пару шагов в сторону Акселя, заставив того в растерянности отступить.— Пойихали!

Сквозь шум и смех Аксель услышал щелчок фотоаппарата. За ним — еще один. И еще.

3

«Огромное колесо с надписью «Москва 850», поваленное на землю, ракета на центральной площади, установленная когда-то в память о псевдодостижениях совка, а ныне изрубленная на куски, сожженный дотла павильон белорусских шмоток для нищебродов— вчерашние символы этого парка на северо-востоке Москвы нынче повержены праведным гневом сильных и смелых людей. ВДНХ, ВВЦ — так называли раньше это место, изобиловавшее всевозможными развлечениями для быдла. Те-

перь же это главная антинародная территория страны, а сегодня она станет еще и площадкой для нового искусства. Отныне она так и называется: Антинародный парк. На этом месте за моей спиной находился фонтан, символизировавший якобы дружбу народов, а на самом деле прославлявший цепи рабства для рабочего сброда разных национальностей. Сейчас его равняют с землей экскаваторы, а по освободившемуся пространству уже готовятся проехать десятки катков. Вскоре здесь будет установлена площадка, где будут выступать молодые группы из Екатеринбурга. В этом городе сейчас также идут бои за освобождение интеллектуально полноценных людей от сожительства с ватниками.

— Наш город, к сожалению, у многих людей Свободы ассоциируется с позором, от которого, как нам долгое время казалось, мы не сможем не отмыться — я говорю об Уралвагонзаводе (надпись внизу экрана: Артур Циолковский, солист группы «Наракалока»). Теперь этот позор будет смыт кровью. Но поскольку мы люди мирные, то поиграем тут пока, а вернемся, надеюсь, уже совсем в другой город. У нас клево, и светит Солнце.

Вместо вызывавших брезгливую усмешку у всех приличных людей осетинских ресторанов с шашлыками и шансоном, в новых кафе можно будет платить не за конкретный заказ, а за часы пребывания. Уже сейчас популярные дизайнеры Москвы, знаменитые проектами известных антикафе в центре Москвы, отмеченных актуальными журналами «Афиша» и «Большой город», поделили территории парка на своеобразные зоны ответственности. Разумеется, в заведениях, которые они обещают открыть в кратчайшие сроки, не может быть и речи об алкоголе. По мнению Лили Ореганы, владелицы нескольких антикафе, этот способ развлечения уходит в прошлое.

— Алкоголь — это развлечение ватников (надпись внизу экрана: Лили Орегана, владелица антикафе). Вот пришел ватник домой, снял свой ватник, извините за тавтологию (смеется), и давай бухать. Жену свою позвал, такую же пропитую дуру, как и он, и вот они пошли смотреть какого-нибудь сферического Петросяна.

В самом Антинародном штабе, расположившемся в бывшем павильоне № 32, отданном прежней преступной властью торговцам семенами, работа кипит, не останавливаясь ни на минуту.

— Я готовлю проект переименования ближайшей к нам станции метро в Антинародную. Почему так спешно, нет других дел? — спросят меня. (Надпись: Станислав Облаков, координатор Антинародного штаба) Я отвечу: потому что главная борьба сегодня идет на семантическом фронте. Наша аудитория — аудитория победивших свободных людей свободной страны — она, знаете, не интересуется вот этими социальными подачками, выплатами пенсий, там, льгот, общественным транспортом, бесплатной, простите, медициной — это все для рабов. У нашей аудитории все есть, и ей, конечно, ничего из этого не нужно. Им нужна хорошая музыка, увлекательное чтение и игры в Мафию. Посыл переименования ВДНХ в Антинародную таков: быдлу здесь делать нечего. Любой, кто решит приехать сюда, сунуть свой, что называется, нос, должен отдавать себе отчет в этом. Если ты раб — тебе нечего делать в Антинародном парке. Как и в Москве в целом.

А тем временем, рабы не спешат покидать территорию парка. Видимо, стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива. Видимо, эти паразиты еще не осознали, что все бесплатное кончилось, а тем более — пиво. Не в силах оказать сопротивление новым свободным людям, наиболее агрессивные рабы убивают друг друга: взгляните на этих безумцев со стеклянным взглядом и полным отсутствием интеллекта на лицах, дерущихся на кухонных ножах и пивных бутылках с отбитым горлышком. Удивленные свободные люди, открыв

рты, смотрят за тем, как рабы продолжают вести свой гнусный образ жизни вместо того, чтобы присоединяться к мирной революции Воинов Свободы.

— Вообще я бы не стал так драматизировать. (Анатолий Трунин, главный координатор Антинародного штаба, официальный фотограф Антинародной революции.) — Рабы поубивают друг друга, только-то и всего. Не нужно им в этом препятствовать, это всегда было. Потому что эти безмозглые твари больше ни на что не способны, давайте говорить честно. Посмотрите на их глаза, они напуганы, они чувствуют приближение Свободы. И сторонятся, прячутся по углам. Потому что для настоящего раба нет ничего страшнее свободы, ничего на свете. Свобода приводит их в ужас.

Чтобы проверить эти слова, проведем небольшой эксперимент. Достаточно просто попытаться заговорить с кем-то из этих людей. Но даже обыкновенная человеческая беседа с корреспондентом становится для них трудновыполнимой задачей.

— Мы просто гуляли здесь. (Надпись внизу экрана: Лена и Вадик, биологический мусор.)

— Что значит просто гуляли? Сегодня праздник Свободы. Здесь каждый занят своим делом. Чем заняты вы?

— Пожалуйста, помогите нам выбраться (плачет).

Как видим, рабов даже в такой исторический день волнуют только свои низменные, обывательские интересы и мелкие житейские проблемки. К сожалению, такие люди еще остаются. Однако скоро, по заверению координаторов Антинародного штаба, их не будет совсем. И действительно, взгляните вокруг: стыдно быть быдлом, когда рядом так весело горят покрышки, так величественно и грозно устремляется в небо черный дым, словно бросает вызов самому Богу — в которого люди Свободы, конечно, не верят — и как сильны парни, разжигающие этот вечный огонь, не устающие закидывать в него все новые и новые покрышки.

— Вот некоторые недоделанные люди позволяют себе открывать рот и заявлять, что вы экстремисты. Что бы вы им ответили?

— Я бы им вот что ответил. Я думаю, что экстремизм — это прелесть жить. (Надпись внизу экрана: Владимир, воин Свободы.) Само слово экстремизм придумали рабы, чтобы держать свободных в клетке. Но вы ведь понимаете, что нет такой клетки, в которую могла бы уместиться свобода. Человек будущего не станет бояться, он будет жечь и кидать, понимаете, не рефлексируя. Он все разрушит!

Эту, с позволения сказать, женщину, на вид лет 40, мы нашли валяющейся в кустах в луже грязи и собственных испражнений. Как видите, она обеими руками вцепилась в пакет из «Пятерочки» — в отсутствие иных ценностей, для быдла набитый дешевой жратвой пакет становится смыслом их жалкого существования.

— Я не хочу никуда идти (плачет). (Надпись внизу экрана: Мила, биологический мусор.) — Я боюсь наступления темноты. Они снова будут врываться в дома. Они придут ко мне (закрывает лицо руками). Не снимайте, пожалуйста, не снимайте.

Всех, кто шокирован этим подлым вреньем, поспешу заметить: сотрудники Свободного телевидения уже сообщили координаторам Антинародного штаба, где прячется это недостойное называться человеком существо. За что и получили вот такую замечательную печеньку (демонстрирует в камеру). М-м (улыбается) и, надо сказать, очень вкусную. Для свободных, конечно, людей. Ведь рабы, как мы знаем, вкусов не различают».

4

Да. И забыл рассказать еще кое-что.

Вы сидели когда-нибудь глубокой ночью за рулем огромного черного джипа, на мягком сиденье с подогревом, посреди разбитой дороги, сдавленные справа и слева

стенами непроходимого леса? И чтобы моросил дождь, а фары источали мягкий свет, но впереди все равно была непроглядная чернота, и вы знали, что ни единой души не может оказаться в этом месте, потому что вы и сами, в—общем, совершенно непонятно как здесь оказались.

Нет, мне кажется, что с вами такого не случалось. А с человеком в кожаной куртке с белым ноутбуком в руках происходило сейчас именно это.

«А тем временем, рабы не спешат покидать территорию парка,— раздавалось из ноутбука.— Видимо, стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива. Видимо, эти паразиты еще не осознали, что все бесплатное кончилось, а тем более — пиво».

Человеку с ноутбуком особенно нравился этот момент записи. Он запрокидывал голову и предавался какому-то гомерическому хохоту, идущему из самых глубин его — он захлебывался хохотом, трясся всем телом, хватался в забытьи то за рычаг, то за руль, но тотчас отпускал их и продолжал хохотать. Казалось, его демонический хохот раздавался по всему лесу — конечно, хрупкий каркас джипа не был способен его сдержать, да и стекло было опущено — и звук преломлялся, отражался от деревьев и устремлялся дальше, вглубь, пока не гас где-нибудь в совсем не проходимой чаще. Едва отойдя от смеха, человек водил пальцем по ноутбуку и возвращал запись к полюбившемуся месту:

— Стою ли я чего-нибудь,— произносил он сквозь слезы и качал головой.

«Стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива»,— послушно повторялась запись, и человек вновь закидывал голову и хохотал, уставившись в коричневую обивку крыши автомобиля:

— Ха, ха, ха, ха, ха! — громко повторял он. Наверное, если бы истуканы на острове Пасхи могли смеяться, их смех звучал бы приблизительно так же.

«Мы рады тому, что наконец, можем определять свое будущее сами,— неслось из ноутбука.— Слава Свободе!»

Зазвонил телефон, оставленный на соседнем кресле, и человек, ворча и охая, потянулся за ним и поднес к уху.

— Слушаю,— недовольно произнес он.— Да, мгм, да... У меня вообще мало времени, знаешь, я занят,— человек становился мрачнее и нетерпеливее.— Занят, знаешь, очень важным делом. Не мне перед тобой отчитываться, или ты считаешь иначе? Ну что значит просьба, ну какая просьба? Не, ну ты знаешь, как задолбал своими просьбами. Вся страна задолбала своими просьбами! Сначала одна просьба, потом вторая просьба, все время чего-то надо, еще и еще. Ну какая свобода? Что значит во имя свободы? Мне знаешь, наплевать вообще на все это: свобода — несвобода. Ну вас всех к черту. Мне просто скучно. Я перепробовал все. Я развлекаюсь, понимаешь?

Человек замолчал и сделал громче звук ноутбука. На экране показывали каких-то парней и молоденьких девочек в разноцветных одеждах и масках на лицах, танцующих на сцене. Повсюду развевались флаги, сливалась в экстазе счастливая молодежь.

— Песенки вот эти ваши,— проворчал человек в трубку,— захочу, будут они, захочу — их не будет, песенок этих. У меня свои планы, ты мне мозги-то знаешь, не компостируй, своей свободой. Что ты мне тычешь в нос своей свободой? Пойди в песочнице поиграй. У меня свобода своя. Она всю вашу свободу кормит, и еще десять таких. Я купил вашу свободу, понял? Так что заткнись.

Человек нервным движением закрыл ноутбук и включил магнитолу. Раздались какие-то шумы, и, нажав несколько кнопок, человек понял, что радио поймать не получится. Выругавшись, он нажал на другую кнопку, и в салоне раздался мягкий голос певца:

Как хочется взлететь, как манит глубина
Как много надо спеть и то, что ты одна
Есть время для любви, время умчится молчать
И знаешь это все, что я хотел сказать.

— Ну чего где? — внезапно заорал человек.— Здесь я, здесь. Чего ты от меня-то хочешь? Далеко зашло, говоришь? Не рабы, говоришь, страдают? Я чего-то не врубаюсь. Для меня они все рабы, понимаешь, и ты раб, да. Вначале я тоже не на тех поставил, кто ж знал, что они слабаки? Но прикольные. А ваши мне машину мне угробили. Кто возмещать будет, а? Ну, не трясись, я в новой уже, все в порядке. Кого вы там не контролируете? Я всех контролирую. Что значит дай назад? Я тебе под зад дам, а не назад. Мне насрать, ну дал ребятам денег, ну побузили они. Вы знали, на что идете? Знали. Ну что Ефим-то теперь, что Ефим? — Он погладил редкую бороденку и поправил аккуратные круглые очки.— Я уже тысячу лет Ефим.

Человек оторвал телефон от уха, отключил его и откинулся на спинку кресла. Играла музыка:

Больше ничего — ничего — ничего
Больше ничего
Больше ничего — ничего
Больше ничего...

Он внезапно вцепился в руль и издал дикий, животный возглас:

— Аааааааааааааа!

Машина рванула с места и, набирая скорость, покатилась по разбитой дороге между деревьев.

Как важен первый шаг, как музыка чиста
И как парит душа, все с чистого листа
И солнце на закат, нашей любви волшебство
И знаешь это все, а больше ничего.

Человек за рулем хохотал, бился в истерике, и жал на педаль:

— Ну давай, давай!

Джип набрал скорость, черные деревья за окном сливались в общий фон — и две стены сходились где-то сзади, там, откуда автомобиль начал путь — в прошлом. А впереди проступало будущее: черные стены обрывались внезапно, как разговор тысячелетнего Ефима с неведомым собеседником, и взору человека за рулем открылась пропасть. Человек за рулем впился жадным взглядом в лобовое стекло: дороги больше не было, а была полная Луна, отливающая болезненной желтизной, зависшая над обрывом, и звездное небо — бескрайнее звездное небо, отрытый Космос, извечная Пустота, и хохот. Начиналось свободное падение.

Вот как-то так. Теперь все рассказал.

И больше ничего — ничего — ничего
Больше ничего
Больше ничего — ничего,
Больше ничего.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

III. ДЕЖАВЮ

1. Сказание о геростратах

* * *

Как же так оно случилось,
Что у нас в родном краю
Проросло и проявилось
Чудо-юдо дежавю?

Не фундук и не арахис,
Но, однако ж, знатный фрукт:
Чудо-юдо *Крошка Цахес** —
Тоже западный продукт...

Снова лыко да мочало,
Стародавний оборот:
Тело Гришкино пропало,
Дело Гришкино живет...

Времена пришли лихие,
И пошел такой разлад,
Что теперь опять чужие
Армянин, казах, бурят...

Начало конца

Кто ж повинен, что распался
Триединый организм,
Чтоб в Отчизне утверждался
Воровской капитализм?

---

* Персонаж сказки немецкого писателя Э. Т. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» — уродец телом и душой, которому по волшебству дан особый дар. Любое достойное похвалы дело, совершенное в его присутствии, приписывается ему, и наоборот, стоит ему сделать что-либо отвратительное или постыдное — в глазах присутствующих сделавшим мерзость кажется кто-то другой.

Как стряслось-таки несчастье,
И добро побила гнусь
Так, что рухнул в одночасье
Нерушимый наш Союз?

Нам бы жить, сквозь годы мчаться[*]
На коне во весь опор,
Множить мощь страны, богатство,
Да в Кремле уселся вор.

Подняла башку Измена,
И с Вождем простились мы.
Так помалу, постепенно —
Докатилось до сумы...

Громким выдалось начало:
Лихо прошлое круша,
На усопшего восстала
Кукурузная душа[**].

Тот, кто у Вождя на даче
Пил и бацал гопака
С клятвой в верности собачьей,
Месть готовил *за сынка*[***].

Шут сыграл в судьбе России
Отвратительную роль:
Начинания благие
Перемножены на ноль.

После кормщика-титана
Дурень взялся за штурвал,
И корабль во мгле тумана
Сбился с курса, заплутал.

И *лицом к лицу*, плутая,
Уж *не разглядеть лица*[****]...
Видел *Кормчий*[*****] из Китая,
Где начало у конца,—

---

* «*Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась...*» (В. Маяковский, «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», 1926).

** **Ники́та Серге́евич Хрущев** (3 [15] апреля 1894, Калиновка, Дмитриевский уезд, Курская губерния, Российская империя — 11 сентября 1971, Москва, СССР) — Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, прозванный в народе «*Кукурузник*», «*Великий Кукурузо*», «*Кукурузвельт*»...

*** *См. http://www.infoorel.ru/forum/forum_read.php?f=27&id=288480.*

**** «*Лицом к лицу лица не увидать...*» (С. Есенин, «Письмо к женщине», 1924).

***** **Ма́о Цзэду́н** (пиньинь: Máo Jédōng; 26 декабря 1893, Шаошань — 9 сентября 1976, Пекин) — китайский государственный и политический деятель XX века, прозванный китайцами «*Великим Кормчим*».

Наши беды предвосхитил
И, проникнув в суть вещей,
Он сказал: «Пришел губитель
Светлых ленинских идей!..»

Даже враг извечный Черчилль
Не принял хвалебных слов:
«*Нет, не я страшнее смерча*
Для России, а Хрущев![*]»

Этот тип был редким хамом.
Он, невежда, горлопан,
Вдруг назвал Вождя тираном,
Несмотря что сам тиран;

Дескать, шел путем кровавым,
Мол, воздать ему пора
По делам его неправым...
Вор кричит: «Держи вор*а*!»

Это *он,* Хрущев, в тридцатых,
На расправу лют и скор,
Первым был среди проклятых
Тех, кто развязал террор!

Двое псов их — он да *Эйхе*[**],
Что в Сибири лютовал,
В те года, в той давней вехе
Поднялись на пьедестал.

Он в пределах подмосковных
Заварил такой котел...
Сорок тысяч невиновных
Под репрессии подвел,

Словно не был человеком...
Проявляя раж и пыл,
Хищно роясь по сусекам,
Даже *кулаков* нарыл

В год, когда везде колхозы!
Да тогда, в тридцать седьмом,
Где ж их взять?! От сильной дозы,
Что ли, тронулся умом?

---

* В конце ноября 1964 г. в парламенте Англии на праздновании 90-летия У. Черчилля за него был предложен тост как за самого ярого врага России. Ответ Черчилля прозвучал так: «К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

** **Ро́берт И́ндрикович Э́йхе** (латыш. Roberts Eihe; 12 августа 1890, Курляндская губерния — 2 февраля 1940, Москва) — советский государственный и партийный деятель, революционер. Делегат 3-го конгресса Коминтерна (1921). Член ЦИК СССР. (*См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД Достоинство», М. 2012, стр. 292.)*

Он потом *на Украине*
Бесновался вдоль и вширь
Так, что помнится поныне...
Кровожадный нетопырь!

Раб карьеры, сын корысти,
Злой и мстительный пострел
Умолял Вождя: «Повысьте
Разнарядку на расстрел!

Мы вот так, врагов корчуя,
Революцию спасем!
Я всегда измену чую
Острым классовым чутьем!

Всюду, по моей оценке,
Притаился скрытый враг,—
Надо больше ставить к стенке!»
Вождь в ответ: «*Уймись, дурак!*»

Прикусил язык Никита.
Враз смикитил, что пока
Голова цела, не бита,
Лучше слыть за дурака.

Эйхе — тот смышленым не был,—
Знай себе, Народ гвоздил.
И за то свинца отведал:
Вождь злодейства не простил!

Точно так же в этой теме
Косиор да *Рудзутак*...*
А Хрущева в это время
Очень выручил гопак.

Хоть и малость бестолковым,
Вождь его своим считал.
Он с Никитой, как с *Ежовым***,
Правду молвить, маху дал.

---

* **Станисла́в Вике́нтьевич Косио́р** (польск. Stanisław Kosior; 6 [18] ноября 1889 года, Венгрув, Седлецкая губерния, Царство Польское, Российская империя (ныне — Мазовецкое воеводство, Польша) — 26 февраля 1939 года, Москва, СССР). Советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь Коммунистической партии Украины, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Один из главных организаторов украинского голода 1932—1933 годов. (*См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД “Достоинство», М. 2012, стр. 157—258; Е. Прудникова, Хрущев. Творцы террора, ОЛМА Медиа-групп, М., 2008,стр. 215—220.)*

Ян Э́рнестович Рудзута́к (латыш. Jānis Rudzutaks; 3 [15] августа 1887 года, хутор Цауни Курсишской волости Гольдингенского уезда Курляндской губернии Российской империи, ныне Латвия — 29 июля 1938 года, Москва) — революционер, профсоюзный и государственный деятель СССР.

** **Никола́й Ива́нович Ежо́в** (19 апреля [1 мая] 1895 года — 4 февраля 1940 года, Москва, СССР) — советский партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности.

Но Ежов закончил плохо,
А Хрущев, к несчастью, нет
И устроил нам, пройдоха,
Череду фатальных бед.

Он-то не был одиноким!
И соратники нашлись,
Те, что в прошлом недалеком
К руководству поднялись...

Красные бояре

Кровью пролитой умыты,
Опаленные войной,
Славой многие покрыты,
Каждый воин удалой,—

Командиры, комиссары,
Что в Гражданскую врагу
От души давали жару,
Гнули контриков в дугу,

Шли на смерть и победили,
В битве с ворогом лихим
Власть Советов утвердили.
И за то спасибо им!

Пали стены капитала.
Бита вражеская рать.
Но война прошла. Настало
Время строить, созидать.

Тут подай талант особый,
Не моги рубить с плеча.
А начальник узколобый
Все погубит сгоряча.

Кулаком или наганом
Не достигнешь ни рожна.
Не тяни в колхоз арканом,—
Убеждай, ведь не война!

Он и сам, мужик, увидит,
Что колхоз ему в профит,
А какой дурак обидит —
Так обиду затаит...

Командиры, комиссары
(Ныне — партсекретари),
Нам теперь — гасить пожары,
Нам теперь — дерзай, твори!

Чтобы многого добиться
В новой, светлой полосе,
Завещал Ильич учиться.
И учились. Да не все...

Да, таких немало было,
Кто учиться не хотел,
Но, дорвавшись до кормила,
Власть вкусивши, осмелел.

Гонор, как у дворянина:
«Делай то-то, делай так!..
Что? Перечить?! Ах, скотина!
Я — начальник, ты — дурак!»

Прогневишь — себе дороже:
Будь семь пядей ты во лбу,
Но судьба тебе, похоже,
Проклинать свою судьбу.

Для таких, как ты, спасенья
Не отыщется нигде:
В тот же час без сожаленья —
Стук-постук в НКВД!..

Там, за сумрачным порогом,
Так печенки отобьют,
Что признаешься во многом.
А потом — неправый суд.

Заклеймят, мол, враг Народа,
Мол, *троцкист**... Тогда держись!
И — прости, прощай свобода,
А возможно, даже жизнь...

Как могло такое статься?
Что за страшное кино,
Если *Равенство* и *Братство*
Нами провозглашено?

Разве о таком мечтали
Мы в семнадцатом, когда,
Сбросив цепи, утверждали
Царство *Мира* и *Труда*?

---

* **Лев Дави́дович Тро́цкий** (псевдоним, также: Перо́, Антид Ото, Л. Седо́в, Стари́к и др.); имя при рождении Лейба Давидович Бронштейн; 26 октября [7 ноября] 1879; село Яновка, Елисаветградский уезд, Херсонская губерния, Российская империя — 21 августа 1940; Койоакан, Мехико, Мексика). Идеолог троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, один из создателей Красной Армии. С 1923 года лидер внутрипартийной левой оппозиции. В 1929 году выслан за пределы СССР. В эмиграции вел переговоры с Гитлером о сотрудничестве и борьбе против СССР.

Как далёко до *Свободы*,
И откуда *Счастью*[*] быть,
Если нелюди *Ягоды*[**]
Кажут миру волчью прыть...

Хороши мы или плохи,
Но на жизненном пути
Человек — продукт эпохи,
И от правды не уйти.

Угнетенный и суровый,
Мироеду давший бой,
Он пришел для жизни новой,
Но пришел из жизни *той*.

Там, среди духовной скверны,
Где один другому зверь,
Где уж бить, так лучше первым,
И в высокое не верь,

Трудно в мире чистогана
Незапятнанным пройти,
Трудно душу без изъяна
У кого-нибудь найти.

Человек — дитя эпохи,
И понятно, почему
Ей присущие пороки
Так же свойственны ему.

По-другому не бывает,
И какой бы ни был век,
Бытие определяет
То, как мыслит человек.

Ну, а вмиг переродиться
Невозможно, позабудь:
Чтобы этому случиться,
Нужен очень долгий путь...

И с таким, как есть, народом
(Ведь другого просто нет!)
Власть Советов год за годом
Удивляла белый свет.

---

* ***«Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство, Счастье!»*** В этих лозунгах Советской власти сочетались общечеловеческие ценности.

** **Ге́нрих Григо́рьевич Яго́да** (имя при рождении — Енох Гершевич Иегуда, 7 [19] ноября 1891 год, г. Рыбинск Ярославской губ.— 15 марта 1938 года, Москва) — советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР, первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности».

И под звуки труб победных
(Быть иначе не могло!)
Было дел немало вредных,
И не раз творилось зло.

Много п*о*гани засело
В ГПУ-НКВД,
А когда такое дело,
Непременно быть беде...

Правда, заговор злодейский
Своевременно раскрыт
(Арестован *Тухачевский*[*],
Козырь Троцкого побит...),

Только чтоб не вышло хуже
И была бы служба впрок,
Злому псу намордник нужен
И короткий поводок.

Но куда там, если пес-то
Злей, масштабней во стократ!
Обуздать не так-то просто
Репрессивный аппарат.

Злобе черной давши волю,
Он от крови озверел,
Он противится контролю,
Он стоит за беспредел.

Чтить законы перестали
В этом ведомстве у нас,—
Им и сам товарищ Сталин —
Ну, не так чтобы указ.

А когда управы нету,
Если уж и черт не брат,
Тут же бледной спирохетой —
Вседозволенность, разврат...

Чувства меры не осталось,
И, не ведая границ,
Расходилась-разгулялась
Власть *ежовых рукавиц*.

---

* **Михаи́л Никола́евич Тухаче́вский** (16 февраля 1893, Александровское, Смоленская губерния, Российская империя — 12 июня 1937, Москва, СССР) — советский военный деятель, военачальник РККА времен Гражданской войны, военный теоретик. Участник и один из организаторов заговора военных 1937 г. (*См. Е. Прудникова, А. Колпакиди. Двойной заговор. Тайна сталинских репрессий, ОЛМА-Медиа групп, М. 2008, стр. 501—515 и 598—629).*

Думай, Вождь, ищи лекарство,
А иначе дело швах...
Вот и «красное боярство»
В рост пошло, как на дрожжах,

Превращаясь в класс богатых
С честной совестью поврозь,
И еще в конце двадцатых
Прочно с *нэпманом* срослось.

Ишь, до роскоши дорв*а*лось
И икрою мажет хлеб,
Что уже отнюдь не малость,—
Ведь простой Народ не слеп!

Занеслось и зажирело,
Попристроило детей.
А когда дойдет до дела,
Так полезных нет идей.

Вождь совета просит,— немы
Или чушь несут ему:
В экономике проблемы
Многим, ох, не по уму...

Не с руки в делах подобных
Кто на митинге речист
В рёве лозунгов утробных.
Здесь нужней специалист,

У кого в работе кредо...
А «бояре» — продадут.
С ними не колхоз «Победа»,
А артель «Напрасный труд».

В душах этих «коммунистов»
Далеко не коммунизм
И отнюдь не так уж чисто,
А нутро разъел троцкизм.

«Мы на горе всем буржуям,—
Так цитировал их Блок,—
*Мировой пожар раздуем...»**
Раздували, кто как мог...

Глотку драть — громоподобны
(И один из них — Хрущев),
Проявлять себя способны
Разве в поиске врагов.

* А. Блок, «Двенадцать», поэма (1918).

Не найдут — врагом назначат,
Лишь бы сунуть под топор.
Так тогда был ими начат
Приснопамятный террор.

Изгалялись, злыдни, всяко,
Был безумен их разгул.
Только год спустя, однако,
Сталин лбами их столкнул.

Как пошли строчить доносы
Друг на друга,— в добрый путь! —
Прелесть сумрачных допросов
Довелось и им хлебнуть.

Возвернулось зло сторицей,
Ведь не все ж крошить Народ!
И, притихнув, затаиться
Поспешил вельможный сброд.

Последний рыцарь

После гнусного Ежова
Справедливость по стране
Восстанавливал сурово
Строгий человек в пенсне[*].

Он бесчинства успокоил
И — строитель, а не кат —
Основательно *построил*
Репрессивный аппарат;

Триста тысяч невиновных
Из узилищ отпустил,
А преступников сановных —
Да, карал что было сил.

Он же внешнею разведкой
С контрразведкою в войну
Управлял рукою крепкой;
На Кавказе немцев пнул[**].

---

* **Лавре́нтий Па́влович Бе́рия** (груз. ლავრენტი პავლეს ძე ბერია, Лавре́нти Па́влес дзе Бе́риа; 17 [29] марта 1899 года, с. Мерхеули Сухумского округа Кутаисской губ., Российская империя — 23 декабря 1953 года, Москва) — российский революционер, советский государственный и политический деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943).

** **Битва за Кавказ** (25 июля 1942 — 9 октября 1943) — сражение вооруженных сил нацистской Германии, Румынии и Словакии против СССР во время Великой Отечественной войны за контроль над Кавказом. Сражение делится на два этапа: наступление немецких войск (25 июля — 31 декабря 1942) и контрнаступление советских войск (1 января — 9 октября 1943).

Сбросив недругов с Эльбруса,
К туркам их не допустил
Для разбойного союза.
Тыл чеченский укрепил.

Вождь ему недаром верит:
У него душа бойца.
Он с Вождем судьбу разделит,
Будет рядом до конца.

Человек суровых правил,
Сильный духом человек,
Он потом еще возглавил
Новый — атомный — проект,

И ученых разработки
Возвеличили страну.
А московские высотки —
Добрый памятник ему*.

Шпиль их, видный отовсюду,
Увенчал великий труд...
Но об этом позабудут,
Обесславят, оболгут.

То, что н*е* было, припишут,
То, что было, замолчат.
Но вперед они отыщут
Для Вождя надежный яд**...

Боярский заговор

Завтра выглядело хмуро.
Опасались и не зря,—
Напрочь партноменклатуру
Явно Вождь лишал руля:

Конституцию составил
И ее задумал он
Так, чтоб жизнью нашей правил
Исключительно Закон.

Нужно стае пустозвонной
Путь к всевластию закрыть!
Властью истинно законной
Лишь одной — Советской быть!

** См. Е. Прудникова, Берия. Последний рыцарь Сталина. М. ЗАО ОЛМА Медиа-групп, 2008; стр. 183—228; Ю. Мухин, Убийство Сталина и Берия, научно-историческое исследование, Крымский мост — 8Д Форум, М. 2003, стр. 122—138.*

*** См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД "Достоинство», М. 2012, стр.31—131.*

Ведь она прочнее стали.
Что ей кризис, катаклизм!..
Только пал товарищ Сталин,
Защищая коммунизм.

Страх Вождя руки тяжелой
Бонз партийных подстегнул,
И весною невеселой
Грянул злобный их разгул.

Подняла башку Измена,
Все границы перейдя,
Тех корчуя неизменно,
Кто б продолжил курс Вождя.

Вражий заговор ярится,
Преступления плодит,
И, Вождя последний рыцарь,
Подло Берия убит.

Воспитал отец героя.
Тот в ответ любил его.
Поседел, у стенки стоя,
Сын Лаврентия *Серго*.

И *Нино*[*] гордилась сыном:
Он держался до конца,
Настоящим был грузином,
Не отрекся от отца!

Хрущевщина

...Через многие злодейства
(А иначе как еще?),
Хват по части лицедейства,
Власть к рукам прибрал Хрущев.

Но чтоб крепче утвердиться —
И без всяких дураков,
Не мешало бы отмыться
От укр*а*инских грехов.

А отмыться-то трудненько,—
Вишь, как он вилял хвостом:

*** Серго́ Лавре́нтьевич Бериéв** (24 ноября 1924 — 11 октября 2000) — советский и украинский инженер-конструктор в области радиолокации и ракетных систем, сын Л. П. Берии.

Нина Таймуразовна Берия (Гегечкори) (1905—1991) — науч. сотрудник с.-х. академии им. Д. А. Тимирязева, жена Л. П. Берии.

Русский Крым засунул в *Нэньку*[*]...
Ох, аукнется потом!..

Край цветущий стал ответкой
В том, в чем не был виноват,
И разменною монеткой —
Кровь суворовских солдат.

Нечиста душа Никиты:
Все равно кровавый след
Позади, не все замыто
То, за что прощенья нет.

Хорошо б концы — да в воду,
Изыскать к тому пути,
А Советскому Народу —
Да глаза бы отвести...

И, зачистив все архивы —
Грубо, нагло, второпях,
Он устроил, нечестивый,
Злую пляску на костях[**].

Клевета торжествовала.
Громогласен лживый рот.
Мертвый лев не мог шакалу
Дать, как прежде, окорот.

Вы, соратники былые!
Почему, уставясь вниз,
Речи терпите гнилые?
Промолчали. Отреклись.

Где ж ты мужество оставил,
«Первый красный офицер»?
Чем тебе его убавил
Интриган и лицемер?

Что ж ты вертишься, как флюгер,
Хитромудрый *Микоян*[***]?

---

* Под давлением Хрущева в 1954 году было принято решение Президиума Верховного совета СССР о передаче в состав Украинской ССР Крымской области и города союзного подчинения Севастополь. Но в числе подлинников протоколов Президиума ЦК, материалов к ним, тематических папок Президиума, личного архива Н. С. Хрущева, не говоря уже о материалах МИДа, этот документ за № П49/XL от 25 января 1954 года увидеть до сих пор невозможно. (*См. http://istorya.ru/forum/index.php?showtopic=6476.*)

** XX съезд КПСС, состоялся в Москве 14—25 февраля 1956. Наиболее известен осуждением культа личности и, косвенно, идеологического наследия Сталина.

*** **Климéнт Ефрéмович Ворошúлов** (23 января [4 февраля] 1881 года, село Верхнее, Екатеринославская губерния (ныне город Лисичанск Луганской области) — 2 декабря 1969 года, Москва) — российский революционер, советский военачальник. **Анастáс Ивáнович (Ованéсович) Микоя́н** (арм. Անաստաս Հովհաննեսի Միկոյան; 13 (25) ноября 1895, село Санаин, Борчалинский уезд, Тифлисская губерния (ныне в Армении) — 21 октября 1978, Москва) — советский государственный и политический деятель.

Нос по ветру: Сталин умер —
Сразу шмыг в хрущевский стан!

А Никита виноватит,—
На Вождя сплошной накат.
И никто не крикнул: «Хватит!
Что ты врешь с трибуны, гад?!»

Негодующие охи,
По команде волчий вой
Делегатов... Скоморохи!
На умершего — «долой»?!

Был Никитушка в ударе,
Не стесняясь в плутовстве:
Как же, «красные бояре»
Оказались в большинстве!

Что им судьбы государства
И людей — при спецпайках?
Сущность всякого боярства
Не меняется в веках.

И Никита им, никчемным,
Распаляясь, врет и врет:
По подельникам казненным
Крокодильи слезы льет.

Ну, подумаешь, устроил
Человек голодомор,—
Разве он расстрела стоил?
Бедный Стасик Косиор!

Вот бы вы, кто в этом зале,
Уяснив такой расклад,
Всем, кто спросит, так сказали:
Голод — Сталин виноват.

А товарищ Эйхе? Бедный!
Ну, подумаешь, Народ
Истреблял... А Сталин вредный
Дал за это окорот!

Надо, чтобы те, кто в зале,
Впредь, усвоив постулат,
На вопросы отвечали:
Казни — Сталин виноват!

А невинная овечка —
Дима Павлов[*], генерал?
Ай, как жалко человечка!
За умышленный провал

В сорок первом расстреляли,
Мол, не дал фашистам бой...
Я хочу, чтоб все сказали:
Сталин был всему виной!..

И, вконец Вождя захаяв,
Под восторги подпевал
Он преступных негодяев
Реабилитировал.

Такова его природа.
То-то б Троцкий ликовал:
Он к Вождю любовь Народа
Культом личности назвал!

Термин этот узаконил.
Культ *проклятьем заклеймен*.
А Народ тогда не понял,
Как Хрущевым оскорблен.

Мы вождям привыкли верить,
А ведь это ж новый вождь...
Но смятенье как измерить,
Что в сердцах взметнула ложь?

Что ж, выходит, пятилетки
И Победа — *вопреки?!*
Обманулись, словно детки?
Мы, выходит, дураки?..

Бог их знает... Но едва ли
Наверху царил бардак,
Если нами правил Сталин
Так, что был повержен враг...

А по радио гор*о*дят,
Шли мы в бой за палача?..
Говорят теперь, что вроде
Сталин предал Ильича?..

---

* **Дми́трий Григо́рьевич Па́влов** (23 октября (4 ноября) 1897, деревня Вонюх, ныне Павлово Кологривского района Костромской области — 22 июля 1941) — советский военачальник, генерал армии (22 февраля 1941). Согласно «Воспоминаниям» Хрущева, при посмертной реабилитации определение о невиновности было вынесено благодаря личному влиянию самого Хрущева, вопреки обстоятельствам самого дела: «...если рассматривать вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд, когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо».

Был он знаменем герою,
А теперь, выходит, враг?..
Да бывает ли такое?!
Что же это... Как же так...

Тут хрущевские десанты
Дружно хлынули в Народ:
Это реабилитанты
Из *гулаговских* ворот.

Всех их чохом, без разбора,
Новый *Первый* отпустил,
И за лагерным забором
Враг вприпрыжку попылил.

Он троцкистские идеи
И прозападную гнусь
Тут и там обильно сеет.
Получай «героев», Русь!

*Солженицынское** племя
По Союзу разлилось,
Как зараза... Это время
Словом *«оттепель»* звалось.

Дали нам свободу слова,
А точнее — болтовни.
Но гляди, чего такого
Про Никиту — не сболтни!

Он косил под демократа,
Но какой он демократ?
Брякнешь лишнее, ребята,
Так не будешь жизни рад:

Затаскают до инфаркта,
Заработаешь инсульт.
Культ Вождя громивший так-то
Насаждал свой личный культ.

Развернулся Хрущ в охотку,
Возомнив, что царь и бог,
И упрятан за решетку
Вася Сталин — ястребок.

---

* **Алекса́ндр Иса́евич (Исаакиевич) Солжени́цын** (11 декабря 1918, Кисловодск — 3 августа 2008, Москва) — русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Лауреат Нобелевской премии по литературе. Диссидент, в течение нескольких десятилетий активно выступавший против коммунистических идей, политического строя СССР и политики его властей.

Тот сомнений не изведал.
Претерпев немало зла,
Был он тверд. Отца не предал.
А *Светлана*[*] — предала...

Ход вещей закономерен,
И пошел опасный крен.
В экономике похерен
План Вождя. А что взамен?

По тропе кривых изломов
Все пошло. И все не то!
Вместо сталинских наркомов
Из ЦК — незнамо что.

Коль не ведаешь предмета,
Но пытаешься рулить,
Это скверная примета,—
К бабке можно не ходить.

Кредо горе-управленца —
Шашки вон и ваших нет,—
Ну, откалывать коленца!
Вместо знаний — партбилет.

Все ему — давай, скорей бы;
План — дурацкий, с потолка.
А последователь *Лейбы*[**]
Верховодит из ЦК.

Нет бы, взять, в Нечерноземье,
Изувеченном войной,
Обустроить возрожденье,
Не носиться с целиной...

Но куда!.. Шлея попала
Жеребцу под самый хвост.
Не унять его запала,
И чудит он в полный рост.

---

* **Светла́на Ио́сифовна Аллилу́ева** (28 февраля 1926 года, Ленинград, СССР — 22 ноября 2011 года, Ричленд, Висконсин, США) — дочь И. В. Сталина, советский филолог-переводчик, кандидат филологических наук; мемуаристка. В 1966 году эмигрировала из СССР в США. После своего выхода из тюрьмы Василий Сталин отказался от общения с Аллилуевой, сказав К. Е. Ворошилову: «*Дочь, предавшая своего отца, мне не сестра*».

** Л. М. Каганович вспоминал: «*Я его [Хрущева] выдвигал. Я считал его способным. Но он был троцкист. И я доложил Сталину, что он был троцкистом... Сталин спрашивает: „А сейчас как?“ Я говорю: „Он борется с троцкистами. Активно выступает. Искренно борется“. Сталин тогда: „Вы выступите на конференции от имени ЦК, что ЦК ему доверяет“*».

Дров наломано изрядно
С освоеньем целины.
Нет жилья, дорог? Да ладно!
Исполнять — и хоть бы хны!

Элеваторы не строю,
Нет хранилищ для зерна;
Чтоб его возить порою,
Нет вагонов ни рожна...

Хлеб гниет. Одни убытки.
И цена растет на хлеб.
Только горя нет Никитке,
Он как будто глух и слеп.

Видно, трескал много водки,
Раз в башке неурожай:
«Кукурузу на Чукотке,—
Зенки выкатил,— сажай!»

В идиотской клоунаде
Дохозяйствовался, тать,
И пришлось зерно в Канаде
Нам с позором закупать.

Что Канада! В Аргентине
Низкопробное зерно,
Что свинья не жрет поныне,
Покупали все равно.

И по этакой причине
Ел Народ негодный хлеб
На потеху дурачине
Злою волею суд*е*б.

Для Советского Союза —
Несмываемый позор!
А «*Великий Кукурузо»*,
Прокатившись за бугор,

«*Берегись*,— кричит,— *корова*!
Вот за гуж возьмемся мы,
И узнает *штат Айова*
Мать российского *Кузьмы!*[*]»

Правоверным лизоблюдом
Лозунг тот подхвачен был:

* Известный в конце 50-х годов лозунг *«Держись, корова из штата Айова!»*. А *Кузькину мать* Хрущев грозился показать многим...

Так хватил «*рязанским чудом»*[*],
Что в деревне люд завыл!

Плут хвалился, землю роя:
«Уж накормим мы Народ!
Заготовка мяса втрое
Увеличится за год!»

Этот ухарь из удельных
Всем Никите был хорош.
И вели буренок стельных
Да на бойню, да под нож,—

Путь, указанный до срока
Златозвездным дураком!..
Кровь с крюков бежит потоком
Вперемешку с молоком...

Страшен труд бойца-умельца:
У стены за рядом ряд,
Уж покрыты шерсткой, тельца
Неродившихся телят.

В том угаре идиоты
Перебили весь приплод,
А «герой» трубил до рвоты:
«Уж попотчуем Народ!..»

Что ж вы, ироды, творите?!
Где душа и где мозги?
И никто не смел Никите
Бросить: «Хватит! Не моги!!!»

Скорбно хмурился колхозник
И невесело шутил:
«Перевелся жук-навозник,—
Скот скотину всю сгубил!»

Бесталанные потуги
Нанесли немалый вред:
На полтыщи верст в округе,
Почитай, скотины нет!

Был удар животноводству
Страшен. Все пошло на слом.

---

* **«Рязанское чудо»** — экономическая афера, связанная с перевыполнением плана поставок мяса и молока в Рязанской области разрушительными для экономики методами (1959). Первому секретарю Рязанского обкома партии А. Н. Ларионову присвоили звание Героя Социалистического Труда за одно обещание увеличить заготовки мяса в 3 раза. Ларионов путем приписок и махинаций в три раза «перевыполнил» план области по производству мяса и молока. В следующем году обман был разоблачен, после чего Ларионов покончил с собой.

По лихому сумасбродству
Смерть нависла над селом.

Спохватились, да уж поздно:
Далеко процесс пошел.
И «герой» золотозвездный
Тут же счеты с жизнью свел.

Крыл Народ Никиту матом,
Но крепчал волюнтаризм:
Мол, в году восьмидесятом
Мы построим «*коммунизьм*»*!

Черта с два! С таким ускоком
Недалеко до беды:
При хозяйстве кособоком
Кособоки и плоды.

Из ЦК рекой вранина —
В огороде бузина...
Бузина — не буженина,
Не накормится страна!

Обернулись перемены
Чередой народных бед...
Подскочили резво цены
На еду, которой нет.

После сталинских снижений
Эта весть — как в сердце штык:
От подобных потрясений
Наш Народ давно отвык.

Он не сразу соберется,
Но от этаких-то ласк
Терпит, терпит — да взорвется.
И рванул Новочеркасск!

(Продолжение следует)

* На XXII съезде КПСС (17—31 октября 1961 г.) Н. С. Хрущев объявил, что к 1980 году в СССР будет построен коммунизм.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ*

НАЧАЛЬНИКИ И ИХ ПОДЧИНЕННЫЕ

◆ Вспоминая свою инженерную юность, Николай Андреянович вовсе не нарочно выделял в памяти наиболее курьезные события тех лет. Самое существенное, что при всей своей начальственной «надутости»** те же Трибелин, Кладунов, Гриневицкий, Волчанов и Дунайцев, тем более — вполне человечный Михаил Иванович Дорофеев, были каждый на своем месте. Это только со стороны мнится: полные идиоты, хамы, бездельные кабинетные крысы и волки... Увы, серьезный коллектив, занимающийся архисложными и жизненно необходимыми для страны делами, это все же не клуб по интересам, хотя его элементы и присутствовали зримо в «золотые» 70—80-е годы, но строго организованная иерархия соподчинения. И чем выше стоит человек — винтик этого большого организма по служебной лестнице, тем большую ответственность он несет за порученное ему дело. Дело же творят его подчиненные. А что такое совокупность подчиненных, тех же Смышляева, отставника Курбаченко, Давыдовой с ее замечательным бюстом, спортсмена Мирошникова и йога Сергунчикова, но чудесным образом лишенных всякого начальствования? — Чистой воды сброд, стая дворняжек без вожака.

...Здесь даже самые свободолюбивые возопиют: начальника нам, начальника! А дашь им Начальника и всю восходящую вверх лестницу других начальников, вплоть до столичных небожителей Цфасмана и Путкарадзе, снова возопиют: начальник — дурак, самодур, полный невежа и пр. и пр. Словом, куда ни кинь — всюду клин... Извечный антагонизм начальствующего и подчиняющегося. Но в итоге-то ракеты делали! И хорошие ракеты. До сих пор ими самостийно-незалежные хохлы малазийские «боинги» сбивают, тех же американосов с европеоидами на МКС доставляют... и даже взад на Землю возвращают. Да и 9-го Мая по Красной площади движутся в основном советские разработки... А поиздеваться над начальником — святое дело; это как у студиозуса провести за нос профессора и иного препода — фишка номер один.

Николай Андреянович добрó рассмеялся сам-один, озадачив задремавшего кота, и отлистал в воспоминаниях ближе к началу своей инженерной деятельности, справедливо решив: начальники — неизбежное зло.

◆ С Андрюхой Смышляевым они были шапочно знакомы еще в Тулуповском политехе, хотя учились на разных факультетах: Андрей на радиотехническом, а Ни-

---

* Главы из нового романа; начало см. в «ПЗ» № 4, 2014. Полный текст романа размещен на сайте журнала www.pz.tula.ru и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: www.promegalit.ru.

** Другому нашему запоминающемуся герою — профессору Игорю Васильевичу Скородумову принадлежит целый свод афоризмов — характеристик начальников; см.: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки.— М.: «Московский Парнас», 2014.— С. 230—326.

колай Андреянович на ракетостроительном; первый располагался в главном корпусе, второй — двумя кварталами ниже по проспекту в здании, именовавшемся всем инженерным людом города «пентагоном», поскольку в нем располагалась военная кафедра с ракетным ангаром во дворе и военно-технические факультеты. Познакомились же, попав в зимние каникулы в одну группу лыжных путешественников по Карпатам — от Ясиней до Рахова с остановкой в знаменитом тогда «Эдельвейсе» — за счет профкома политеха. А после возвращения из недельной поездки и до окончания института встречались порой в обычных местах студенческого общения: в ближних пивных, распивочной-стекляшке «Ханты-манси» (официальное название «Чебуреки-манты»), а в день получения стипендии — в ресторане «Дружба», что располагался через проспект почти напротив «пентагона» и в студенческо-преподавательской среде был известен как седьмой корпус политеха; остальные шесть — учебные.

Николай был старше на курс, но поскольку на военно-технических специальностях учились шесть лет — и, предмет зависти всех остальных, им к стипухе Минобороны приплачивал червонец,— то выпустились они одновременно. Молодые специалисты в военно-промышленном Тулуповске были нарасхват, на защиты дипломов набегали вербовщики из многочисленных КБ и НИИ, с заводов. Те присматривались-прислушивались, а поздравив понравившегося им выпускника, отводили в сторону, обещали если не манку небесную, но устойчивый карьерный рост, напирая особо, что все заказы от оборонпрома в их организации санкционированы особыми решениями партии и правительства, потому особо отличившихся ждут премии денежные и Государственные, ордена и медали и прочее. Главное — очереди на квартиры у них движутся по-спринтерски, не более трех лет надо дожидаться... Семейные молодые специалисты особо к последнему прислушивались.

И хотя Николай только что совместил защиту диплома на «отлично» с женитьбой, а Смышляев проживал на дальней окраине города со множеством родственников и вообще едва не получил «красный диплом», а значит оба имели тягу к личной жилплощади и — по успехам в учебе — право на какой-никакой выбор с местом распределения, но... не сговариваясь, выбрали малопрестижное, только-только сорганизованное энергичным Трибелиным полуавтономное конструкторское бюро в составе завода точного агрегатостроения. Понятно, какого — того, которым руководят из Москвы с площади Маяковского обочь ресторана «Пекин», то есть Миноборонпрома. Как и всеми организациями и заводами Тулуповска.

Почему пошли в столь малохлебное место? А кто знает, сами не могли себе объяснить. Наверное, оба еще застряли в безоблачном детстве, каковым и была советская жизнь того времени, не думали о карьере, плыли по воле волн, все оттягивая и оттягивая момент взросления с его скучными серыми буднями, опасливой оглядкой на начальников и сослуживцев — лишнего не скажешь и не выпьешь. Опять же семья, дети... все это, конечно, приятно и восхитительно, но всякие квартирные дела, на дачку-шестисотку с мая по октябрь запрягут, словом — все будет, все впереди, но хочется еще продлить студенческую вольность.

Тем более и, вероятно, по тем же самым соображениям, почти вся сотня «новобранцев» вновь созданного КБ оказалась с тех же двух факультетов, знакомые друг с другом: как будто на следующий, дополнительный курс политеха всех перевели...

◆ Начальников же привел с собою Трибелин с прежнего места работы — радиолокационного научно-исследовательского института, что в замостовской части города и некогда принесшего Тулуповску всесоюзную славу создателя первых в стране, послевоенных по времени, радиолокационных систем управления огнем зенитных батарей. Понятно, что все они там являлись рядовыми инженерами, от силы проработавшие после института с пяток, а то и менее, лет. Потому из них на новом месте ам-

биция поначалу так и выпирала, лишь со временем они попривыкли к своим малоначальственным должностям, обозначили свои естественные качества под чутким вниманием более старших годами и опытом руководства — тех же Кладунова, Дунайцева, Волчанова, Дорофеева и Веснянской. Очеловечились, так сказать. Но все же в итоге симбиоз сотни молодых специалистов, сдружившихся еще в институте, и полутора десятков только осваивавших нелегкую начальственную стезю руководителей групп, секторов и отделов и определял ритм и специфику внутрислужебной жизни молодой организации, в которую влились по первому году все те оригиналы, о которых уже «в лицах» вспомнил Николай Андреянович, перелистывая пожелтевшие страницы книги памяти...

А оригиналы попались в большом числе. Даже в старшей возрастной группе, те же отставной полуполковник Курбаченко и разоблаченный самим Трибелиным потребитель казенного спирта Вадим Афиногенович Лохматых. Что уж тут говорить о зеленой молодежи!

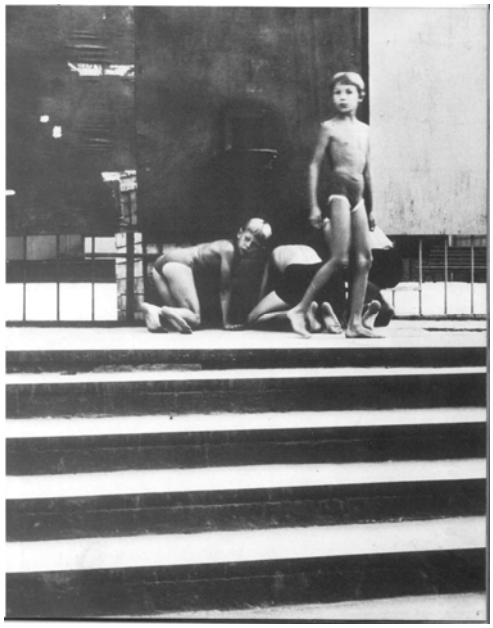
Действительно, что бы делала на солидном, устоявшемся предприятии гордящаяся своим замечательным бюстом Давыдова? Со скукой проводила восьмичасовой трудодень с сорокапятиминутным обеденным перерывом, скучно ловила трусоватые взгляды — на свою грудь — взрослых, затюканных хозяйственными женами отдельских мужиков... может, завела интрижку с молодцеватым начальником средней руки, сделала пару абортов, обиделась на всех и всея, а в конце обязательного трехлетнего срока молодого специалиста уволилась, перешла в другую «контору» (не путать с КГБ!). Здесь бы за нее взялась по-серьезному умная мать и сосватала за сына своей подруги — подающего надежды замначальника цеха ракетно-пулеметного завода. В итоге к тридцати годам образцово-стандартная семья с квартирой, двумя детишками, дачкой, долгие беседы с мамой, ибо муж не вылезает из командировок на полигоны в астраханские и казахские степи со своими «изделиями» из опытных серий. И как напоминание о скоротечной вольной молодости — только помягчавшие груди фасона «аэродром», все еще обращающие на себя внимание серьезных мужиков. Но супругу она изменять не будет.

Примерно такая участь ждала бы в устоявшемся коллективе орденоносного конструкторского бюро или завода всех остальных героев предшествующих воспоминаний Николая Андреяновича. Включая его самого и Смышляева, а также Мирошникова, Мишина, Пирожникова, Сергунчикова, Васюкова, Овцовского, Афремова... Кто-то в младшие и средние начальники вышел, а может за удачное и принятое на вооружение Советской Армии «изделие» украсил лацканы пиджака парадно-выходного костюма лауреатской медалью, орденом и парой юбилейных медалей. Что же, дело обычное для конструкторов военно-промышленного комплекса... Кто по партийно-профсоюзной линии пошел бы, кто до пенсии скучал, дисциплинированно спиваясь. Тоже не в диковинку.

Короткая и грустноватая новелла в памяти Николая Андреяновича получилась. Если бы да кабы, но ведь попали они со Смышляевым и всей остальной сотней молодцов на совсем необжитое место, где и не пахло устоявшейся затхлостью старинных орденоносных коллективов, чуть не от Петра Великого считающих свою трудовую династию! А где молодо-зелено, то там же весело и ракеты строить... в служебные промежутки между наслаждениями молодой жизни.

ВИДЫ НА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ За малым исключением вся «золотая сотня» молодых спецов, получив в конце июня дипломы и отгуляв положенный месяц отдыха от забот праведных, вышли на работу в начале августа. Скороспелые начальники скоренько разобрали их по секто-



Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Зима на Заречной улице — хозяйственные хлопоты

рам и группам, ориентируясь не столько на их специальности, впрочем, родственные, сколько по признакам ♂ и ♀, как изустно-графически выразился остряк Смышляев,— в пользу преобладания первых. Но и в их среде начальники уважали крепких видом — для поездок в колхоз — и ловких на язык, с легкой нахальцой. Судя по себе, они верно угадывали работящих парней — уже в части основных занятий конструкторского бюро.

Впрочем, и в части вторых сказывались личные пристрастия молодых, а значит не равнодушных к женскому полу, руководителей: чтобы и в прелестных головках не совсем пусто было, но и подставки* стройно-длинные, попки в норме и так далее.

Нелишним будет заметить, что образовалась сразу же прослойка между скороспелыми начальниками и молодыми специалистами: первые привели с собой из того же радиолокационного НИИ уже просто специалистов в своем деле; это мужики среднего возраста, которых заманили на высшие неначальственные должности инженеров-конструкторов первой категории и ведущих инженеров. Они-то в основном и вразумляли молодое поколение в части азов исследовательской и конструкторской работы.

Как бы там ни было, но до ранней осени коллектив сложился, все три клана притерлись друг к другу. Николай и Смышляев уже уверенно входили в русло своей будущей деятельности, надеясь до окончания года даже слегка поразить своих руково-

* Времени с момента описываемых событий много прошло, сам наш язык изменился в пользу американизмов, поэтому напомним читателю молодежный сленг той поры: подставки — женские ноги; буфера, реже — амортизаторы и передники — их же груди; станок — постель для двоих; факать и кадрить — все из той же оперы, а также давалка, самец, динаму крутить... Из слов за пределами полового общения: лабухи и лабухать — ресторанные оркестранты; па́рнас и дать на па́рнас — заказать за трояк музыкальный номер для своей широкой души; кусок — прапорщик наземных войск; макаронник — старшина до введения в 1966 году звания прапорщика; сундук — мичман; башлять — денежные операции; рупии, тугрики — деньги в советской валюте; рыжий — рублевая бумажка; полтинник и ильич — 50-копеечная и рублевая монеты, соответственно; брод (бродвей) — проспект; хилять — прогуливаться без определенных целей; пласт — грампластинка, а также и сейчас понятные: джины, куртец, маг. Слова-то какие все мирные!

дителей исполнительностью и непритязательной инициативностью. Тем более, что Трибелин, решивший сразу взять быка за рога, не вылезал из Москвы, из главка, набрал кучу заказов — в основном на подхвате у ведущих в отрасли предприятий, дескать, возьми, боже, что нам не гоже... Что ж, любая новая организация с этого начинается. Даже молодые спецы-несмышленыши скоро поняли: на первые пять лет их «конторе» уготована сомнительная участь организации по конструкторской проверке-проработке заведомо проигрышных направлений. На официальном языке это именовалось принятой в военпроме еще со сталинских времен практикой параллельно-соревновательных разработок. Другое дело, что эти заведомо проигрышные всучались в главке еще неоперившимся конструкторским заведениям навроде их КБ, созданного исключительно стальной волей Трибелина в качестве первой ступени запланированной им на всю последующую жизнь карьерной лестницы... Так сказать, лозунг «прежде думай о родине, а потом о себе» бывает полезен родине и при обратном его прочтении.

Вдохновленные Николай и Смышляев уже расчертили для себя помесячные графики работ, но тут, нарушив их планы, грянул *осенний колхоз*.

◆ В советские времена школьники на уроках немецкого языка с упоением заучивали стихи из учебника, понятные без перевода:

Mein Bruder ist ein Traktorist
In unseren Kolchose...

Далее на столь же понятном русско-немецком описывалось, как *Bruder*-брательник готовил виды на урожай в нашем колхозе, вспахивая бесконечные казахские поля, куда поволжских немцев, спасая их перед нелегким выбором: за фрицев воевать, или подыхать в их же концлагерях в случае отказа, переселили в самом начале войны. В том, что немцы будут рваться на Волгу, чтобы перекрыть путь бакинской и североиранской нефти, у сталинских генштабистов сомнений не было.

...А немецкий язык мы учили по учебникам, в свою очередь составленным по газете “*Neues Leben*” казахских уже немцев, говоривших — со времен переселения их из фатерлянда Екатериной Второй — на средневерхненемецком языке эпохи Фридриха Великого и Гёте. Это как бы мы вдруг во второй половине XX века размовлялись на церковнославянском — старорусском...

Но — это все к слову. Уже в конце августа на картошку уехали первые конторские новобранцы, а слово «колхоз» до середины ноября месяца стало главенствующим в конторе, оттеснив на задние лингвистические ряды такие доселе крылатые словосочетания, как «кровь из носа, но план давай», «показатели партполитучебы», «комсомольский энтузиазм» («энтузазизм» — по-смысшялевски) и «опять в заводской спецстоловой для начальства шашлыки готовят!». Даже в курилке анекдоты про Чапаева, чукчей и руководителей партии и правительства, а также обсуждение бюста Давыдовой, сменились сельхозтематикой.

Отставник Курбаченко, только что приступивший в своих военно-исторических исследованиях к критике основного труда Клаузевица «Кампания 1799 года», не поленился сходить в заводскую медсанчасть — запастись освобождающей от осеннего колхоза справкой об (отсутствующем) радикулите. «Под лежащего военного портвейн не течет!» — по-армейски ответил он на едкое замечание начальника отдела, с сомнением прочитавшего текст справки. Давыдова, опасавшаяся простуды своего бюста в ветреное межсезонье, тоже принесла справку... от тетки — зубного врача-терапевта. Словом, начавшаяся битва за урожай четко, как лакмусовая или фенолфталеиновая бумажка, поделила сотрудников на отлынивающих от перемены образа жизни и стойко выдерживающих линию партии и правительства на подъем сельского хозяйства.

...Теперь, уже прожив четверть века в другой стране, из них десять с лишком в

новом веке и тысячелетии, Николай Андреянович с умилением вспоминал колхозную эпопею, что бы о ней злобно-паскудно не верещали современные средства массовой информации. Конечно, размышлял он на вечернем досуге, чисто практической пользы от посылки городских жителей на село не так уж и много было. И сами колхозники справились бы. Более того, самолично слышал он в очередной «посыл» от разгневанного преда: «И куда, спрашивается, я вас, инженерóв, дену? К какому делу приставлю? Сожрете вы у меня за месяц всем кагалом пару коров, не считая другого приварка, а толку-то! Сами картоху и свеклу собрали бы, а вас все шлют и шлют нам на голову...»

Здесь вступился делающий профсоюзно-комсомольскую карьеру Афремов, попавший в колхоз по недоразумению: «Значит, товарищ председатель, вы против линии партии и правительства?» Поскольку тихо-зловещую интонацию голоса он унаследовал от отца, два десятка лет прослужившего «кумом» в оперчасти лагеря на Колыме, то все его коллеги дружно расхохотались, а пред махнул рукой и ушел в правление пить водку с колхозным парторгом с устатку: вчера с ним же отмечали Троицу — храмовый праздник их села.

Но зато Николай Андреянович всегда мысленно и изустно подчеркивал воспитательную, коллективизирующую роль поездок в колхоз, с ностальгией вспоминая свое боевое крещение: сентябрь месяц первого курса учебы в институте. Это было нормой, великолепно продуманной: первый месяц своей вузовской жизни все студенты 1/6 части земной суши — от Мурманска до Кушки (по параллелям) и от Калининграда до Владивостока (по меридианам) — проводить не в стенах университетов, институтов и техникумов, что потом надоедят, но в расслабляющей тиши сельской местности, кучно и вполне автономно в рамках своей группы. А в окрестных деревнях — такие же группы их факультета, а в соседних районах — расселились по деревням и селам другие факультеты их института... Как стаи грачей, запасающихся нутряным жирком и птичьим оптимизмом и коллективизмом перед долгой и скучной зимовкой.

А сколько будущих семейных пар складывается в этот внеучебный сентябрь после жарких вечерних, а потом и ночных — в стогу — объятий? И это самые крепкие союзы! За месяц группа привыкает подчиняться загодя назначенному деканатом старосте. За портвешком со скромной деревенской закуской вроде бы шутя избирают комсорга и профорга.— И не раскаиваются, до конца учебы не переизбирают эту правящую тройку.

Старшая их группы от университета, незамужняя почему-то, хотя все в ее фигуре и добром характере отвечало требованиям даже разборчивых мужчин, их своей опекой не тревожила: ласковое раннее бабье лето и ее склонило к лирике — завела роман с видным, слегка цыганистым колхозным завгаром, тоже неженатым, сам-один проживавшем в крепком домике. Так что и жила-была она отдельно от двух постояльных изб: для ребят и девиц. Далее на первом курсе она вела у них практику по химии.

К ночи, после картофельных полевых баталий, образовавшиеся парочки расходились по укромным местам, а в обеих избах вечеряли в беседах, лежа на набитых сеной-соломой полосатых тюфяках.

Ребята в основном обсуждали успехи мировой науки, особенно — фундаментальной физики. Тон задавали двое, что перед политехом пробовали поступать на физфак МГУ. По их словам выходило, что в науке этой почти все уже сделано, осталось только кварки и новомодный бозон Хиггса* экспериментально открыть...

Девицы в своей избе говорили, конечно, о своем, девичьем, влекущем и немного пугающем.

Но то студенчество, а сейчас маячил иной, «взрослый» колхоз.

---

* Что и было сделано в 2014 году на адронном суперколлайдере в швейцарском Церне.

◆ В осенний посыл Николай не попал. Их сектору еще в августе дали срочную тему категории «кровь из носу». Сам Трибелин в присутствии всего коллектива, нарочито громким голосом предупредил начсектора: «...И никаких вам колхозов! Сформируем бригаду из менее загруженных подразделений. Оно, конечно, колхоз — дело архиважное, но сам Путкарадзе оказал нам высокую честь, и мы должны не подвести головное предприятие из Москвы! Так что трудитесь, а насчет колхоза я уже согласовал с заводскими парткомом и профкомом».

А в курилке более опытные инженеры — варяги из радиолокационного НИИ, хорошо знавшие натуру Трибелина по прежней работе, пояснили: Владислав куда хочешь без мыла влезет, вот и хапает по всей Москве всякую всячину. Мы начертим с полным серьезом, а в столице под сукно положат, а то и вовсе в предпраздничную уборку сожгут во дворе в «первоотдельском» костре... «Что же поделаешь,— подхватил другой варяг,— у косого Егорки глаз очень зоркий; одна беда — глядит не туда!» Здесь в туалетную курилку вошел партактивист конструкторского отдела, и все перешли на обсуждение производственных дел.

Но Андрюху Смышляева тотчас зарекрутировали, хотя и ему его начсектора с неизменным «кровь из носу» только что выдал, как электронщику, задание: смакетировать и довести до ума узел селекции сигнала блока управляемого по лазерному лучу гаубичного снаряда. «Все, Андрей, бросай до первых белых мух свою мутатень,— хмуро сказал он,— давай дуй завтра с бригадой в колхоз. Уборочная свеклы началась». На резонный же вопрос подчиненного о «крови из носу» тот только обреченно махнул рукой. Был он сыном лесника, то есть лишних разговоров не терпел. Да и вообще любых словоизлияний. Официально отпущенный с обеденного перерыва, Андрюха отправился домой собирать котомку с одежой и суточным пайком. Более опытные предупредили: затарься бутылкой водовки или самогоновки. Телогрейку тоже не забудь, не смотри, что на дворе бабье лето.

На другое утро в ожидании автобусов разношерстная толпа заводских и кабешников, разбившись на группки по интересам, в основном по части анекдотов, собралась у заводской проходной. Чуть поодаль стояли провожающие: опять же из заводского начальства и свои: Трибелин, Гриневицкий, Кладунов и Волчанов. Впрочем, они оживленно беседовали о большом событии в их главке — назначении Цфасмана на должность зама по тылу, то есть по материально-техническому снабжению. А учитывая, что Аркадий Исаакович был выходцем из Тулуповска, оценивали, как это кумовство скажется на их заводе. Перспективы обещались быть радужными. Тем более, что племянник Цфасмана пока еще задержался в Тулуповске и служил начальником патентного отдела в НПО «Меткость» у *самого* Гусакова.

В ожидании запаздывающих автобусов народ повеселился по части двух легких конфузов. Во-первых, зоркий Кладунов приметил, что спортсмен Мирошников красуется с пришпиленным к телогрейке институтским «ромбом», явно насмехаясь над самой посылкой инженеров на свеклу. С другой стороны, уже всем было известно полное отсутствие юмора у того. Чтобы понять суть происходящего, Кладунов поманил к себе своего отделенческого комсорга, что-то тихо сказал ему, взглядом указывая на провинившегося.

Все заинтересовались, слегка расступились, окружив Мирошникова с комсоргом, причем первый разволновался, замахал руками в сторону коллег, без конца повторяя: «...Все говорили. Все!» Затем он отвинтил знак и положил в карман телогрейки, а комсорг, вернувшись к Кладунову, объяснил, что простака вчера разыграли, дескать, вышло устное распоряжение заводского парторга: всем ехать в колхоз с институтскими «ромбами» — для снискания уважения сельских жителей... Кладунов сказал что-то едкое комсоргу и отпустил восвояси.

Оконфузился, впрочем, не придав тому значения, и Смышляев. Досадуя, что до-

курил последнюю сигарету, а взятый с собою блок «аэрофлота» туго упакован в заплечном вещмешке, вознамерился «стрельнуть». Как нарочно, рядом оказались некурящие коллеги, но зато в начальственной группке смолил беломорину ближний к нему мужичок совсем не вальяжного вида. «Небось, чей-то шофер»,— подумал Андрей, сделал к нему пару шагов и простецки попросил закурить. Тот заулыбался, достал замахренную пачку «беломора», протянул коллеге-курильщику, сам чиркнул спичкой. Смышляев поблагодарил и сделал шаг к своим, но мужик жестом попридержал: «На, парень, возьми, у меня еще запасная пачка имеется. Как же ты в колхоз без курева-то поедешь?» — И протянул непочатую пачку «беломора». Андрей смутился, поблагодарил, что-то про сигареты в вещмешке сказал, но тот отеческим взмахом руки отпустил его, благо мужика тотчас окружили заводские и кабешные начальники.

— Ты, Сергеич, откуда Федорова знаешь? — с удивлением и невольной почтительностью спросил Смышляева давешний комсорг.

— Какого-такого Федорова? Не знаю таких.

Из дальнейших пояснений комсорга понял: пачку «беломора» ему презентовал Михаил Тимофеевич Федоров, директор их завода, известный не только в Тулуповске, но и в главке человек, руководитель последнего сталинского призыва... Трибелин смотрел на Андрея с каким-то нерешительным недоумением.

Но здесь подали автобусы. Две ходовые единицы.

◆ Опекаемый заводом колхоз оказался почти на краю области, добирались два с лишком часа по хорошей межрайонной асфальтовке, но после райцентра еще с полчаса тряслись и качались по грунтовке. Уже в самом селе, но без церкви, разрушенной в войну, автобусы, ко всему привычные верткие «пазики», с натужным ревом взобрались на холмистую возвышенность, где стояли только две постройки: школа и клуб. То и другое достаточно новой, поместительной постройки, кирпичные, еще не лысевшие отпавшей штукатуркой. Колхоз — крепкий миллионер. И дома в достаточно большом селе смотрелись аккуратными в крашеных железных кровлях. Ярко-красную, не тускнеющую краску по железу в Тулуповске и по всей области издавна именуют «комбайновой» — по месту ее выноса через дыры в заборе Комбайнового завода...

Разместили новоприбывших в клубе: бóльшую, мужскую половину — в зале с вынесенными стульями, а женскую — на приличного размера сцене, отгороженной задвинутым драповым занавесом. Спальные места — все те же соломенные тюфяки с приданными подушками, простынями и одеялами — из колхозной кладовой, обслуживающей интернат при школе, впрочем, два года как упраздненный.

Андрею и баянисту Славке Соловьеву досталось престижное место для сна — угловой приступок непонятного назначения в «задних рядах» зала. Как на невысоких полатях! Может здесь во время концертов и фильмов ложа для преда и парторга подразумевалась? Немного смутило, что опытные в колхозных буднях сорокалетние варяги не посягнули на этот приступок... впрочем, скоро и это разъяснилось. К огорчению Смышляева и Соловьева.

Председатель перед заселением рекомендовал установить кровати — все от того же интерната, но никому не захотелось волочить их из-под горки, собирать и прочее. Ограничились двумя диванами из холла — предбанника клуба для женской половины. Широкие диваны, до трех молодых девиц принимают на себя... или двух более матерых. Остальные, как и мужики, ограничились тюфяками: за колхозный месяц бока не отлежишь.

Старшим бригады Кладунов загодя назначил начальника отдела техдокументации, который значился пока только на бумаге, Валентина Пируэтова — делать ему в

КБ до завоза множительной техники и набора чертежных девиц было нечего. Но Смышляеву много чего знавший Валерка Овцовский намекнул: Пируэтов провинился по женской части, вроде как от него залетела одна смазливая заводская техник-лаборантка, а законная супруга начистила благоверному лицо с модными, по-актерски подбритыми усиками и написала жалобу во все партийно-профсоюзные заводские инстанции. Те, в свою очередь, передали жалобы Трибелину... «Значит, нашего Вальку на исправление сослали,— резюмировал случившийся рядом баянист Соловьев,— испытательный, так сказать, срок дали!» — «И правильно,— подмигнув собеседникам, резюмировал Андрей,— надо помнить испытанную временем присказку, что-де не факай, где живешь, и не живи, где факаешь...»

Самое печальное, что прибыли они в колхоз на исходе теплого бабьего лета, а уже со следующего дня резко и без предупреждения, как начальник входит в свой отдел, наступила настоящая ранняя осень: слякотная, ветристая, промозглая, а через полторы недели уже и с ночными заморозками.

...В те благодатные времена, вспоминая зачин «Двух гусаров» Льва Николаевича, все было иное, нежели сейчас — устоявшееся, патриархальное. Не было и намеков на пресловутое глобальное потепление, аномально жаркое лето, затяжную не то лето, не то осень, на январское бесснежье. Все шло тогда четко и по расписанию: пришел октябрь (не Октябрь, что с красными флагами...) — милости просим, дождливая мачеха-осень с иссиня-черными тучами на небе и... горами взрытой свеклы на просторных колхозных полях, что прямо-таки алкало по новоприбывшим *анжинерам*.

Владимир Белтов.
Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. На Ноябрьской демонстрации — народ и партия едины!

БИТВА ЗА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ Кстати об упомянутом выше, впрочем, ни к селу, ни к городу, так — по ассоциации настроения, Льве Николаевиче. Как уже говорилось, основной наплыв молодых спецов, согласно установлениям, имел место быть в начале августа. Вроде как все собрались, но Вера Григорьевна, аккуратная в делопроизводстве, какой только и может быть супруга подполковника из Кленового переулка, не уставала докладывать Трибелину, что несколько распределенных к ним молодых специалистов не торопятся на трудовую вахту. «Придут, куда они от нас денутся»,— отвечал тот и рекомендовал своей секретарше означенные фамилии взять на заметку, а по мере появления прогульщиков напоминать ему. Как в коллективе понимали, почти все задерживаю-

щиеся есть ребята деловые, со своими взглядами на грядущую трудовую жизнь. Существенно, что все эти фигуры умолчания — выходцы из «пентагона», где из поколения в поколение водились личности неординарные.

Под «службу» Трибелина была отведена половина второго этажа длинного административного корпуса завода, а прямо под ней, на первом этаже, располагалась большая заводская столовая. Где-то ближе к концу сентября, сидя за столиком и наворачивая знаменитое мясо с овощами «от шеф-повара», бывшего кока торгового флота, Николай и Андрей между делом рассматривали — с комментариями — стоявших в очереди на раздаче молодых заводских лаборанток и техников из цеховой обслуги; свои уже успели приесться еще в институте. Обедавший за тем же столом хохмач себе на уме Овцовский, проследив их взгляды, сыронизировал, не заботясь особенно о рифме:

Когда гляжу на девушек сегодня,
В сравнении с сельчанками беден их свет.
Ведь не было прежде одежды столь модной
В горошек все платья, да в розовый цвет...

— Это ты, Валер, намекаешь на нашу скорую посылку куда Макар телят не гонял?

— Все там, Андреяныч, будем — и очень скоро, свекла созрела. Нет, ты смотри? Сам Лука пожаловал-таки! А я грешным делом полагал, что он до новгода полностью своей фарце отдастся!

И в просторном столовом зале, где по расписанию в этот час обедали преимущественно кабешники, пронесся некий восторженный, но и насмешливый шелест. Явственно, как заклинание, неслось приглушенное: «Лука, Лу-у-ка, Лу...» И Николай заулыбался вослед Овцовскому, а непонимающему радиотехнику Смышляеву в два голоса пояснили, что за выдающаяся личность пришла встать на трудовой пост: Лева это Тепляев, Лев Николаевич — тезка яснополянскому труженику мысли и пера, но охотно откликается на кликуху Лука, ибо славился на весь «пентагон» громогласным исполнением непристойной поэмы Баркова, балагура и матершинника*, столь любимой в компании пушкинского поэтического кружка. «Вот в колхоз вместе попадем, так и услышишь»,— посмеялся Овцовский.

Еще Лева-Лука был знаменит родственниками: отец — известный в Тулуповске писатель, сочинитель романов и повестей о коммунистическом воспитании юношества и по совместительству — завуч средней школы по ведомству МПС**, а родной дядька по матери — главный милиционер Тулуповской области. Должность последнего и двоюродный брат, работающий в гамбургском торгпредстве, сделали Луку самым крутым фарцовщиком, в основном, по пластам, то есть по грампластинкам с записями импортных рок- и прочих групп.

Меж тем Лева, огромный, под метр-девяносто, с молодым «пивным» пузцом,

---

* Очень сложен вопрос с авторством самой знаменитой в русской литературе похабно-эротической поэмы. Принято относить его к Ивану Семеновичу Баркову, но он скончался в 1768 году, а антураж действия поэмы явно относится к началу XIX века, даже упоминаются «радужные денежки», то есть ассигнации, введенные Екатериной уже после смерти Баркова... Указывают также на авторство развеселого дяди Пушкина — Василия Львовича или склоняются к коллективному творчеству, столь распространенному тогда; пример — «Козьма Прутков». Со временем поэма имела массу подражаний и вариантов. Скорее всего, как считают литературоведы, за основу были взяты некоторые стихи-наброски Баркова. Кстати, в круг коллективного сочинения включают даже... графа Дмитрия Ивановича Хвостова, видного сановника, любимого племянника генералиссимуса Суворова (!?). Любопытно, что из 600 с небольшим известных писем последнего (см.: А. В. Суворов. Письма.— М.: «Наука», 1986.— 808 с. (Серия «Литературные памятники»)) 250 адресованы Дмитрию Ивановичу, в которых Суворов доверял племяннику самые свои сокровенные и тайные мнения о всех коронованных особах и военачальниках Европы, включая отечественных...

** Министерство путей сообщения СССР, ныне ОАО «РЖД».

патлато-рыжекудрый, с размахренной рыжей же бородой, с добродушно-наглыми водянистыми глазами навыкате, одетый, несмотря на жаркую еще погоду бабьего лета, в черную тройку, но без галстука, осмотрел на входе зал, приветствуя всех сразу поднятыми руками, и заторопился на раздачу, бормоча сиплым басом, что-де жратва — дело святое. Зашел, конечно, со стороны кассы навстречу очереди, отшучиваясь от упреков заводских женщин, а знакомых по институту кабешных девиц оглаживая по всем выпуклостям — те похохатывали.

Здесь, перекрывая гомон обедающего зала, раздался возмущенный голос-скороговорка Левы: «Ты чего это мне в тарелку, как котенку, положила?! Ну, давай двойную порцию, можешь и тройную! И еще две вот тех котлет клади... ничего, кассирша разберется. И щей в большую тарелку — до краев!.. Не бойсь, не растолстею. Организм свой надо с молодости не обижать!»

...И с кассиршей он малость беззлобно повздорил, когда она попыталась дать сдачу со сторублевки рыжими и трешками: «Вон у тебя в правой ячейке полтинники с углами* лежат! Ты бы мне еще ильичами сдала...»

Вспотевший от упруго бьющей от плит и котлов, не отгороженных от зала, пряной духоты Лева, сделав примирительный комплимент пышногрудой кассирше,— «на гвардейца ты, дорогая, делана!» — на миг остановился, выискивая куда причалиться. Овцовский привстал и махнул ему рукой, указывая другой на четвертый, свободный стул у их стола. Лева понимающе кивнул и, грузно лавируя между обедающими, этаким топтыгиным подошел и, безотносительно брюзжа в рыжие, нависающие над верхней губой усы, поставил поднос на край стола, поручкался со всеми, попутно представившись доселе незнакомому ему Смышляеву, начал снимать с подноса тарелки и два стакана: с компотом и со сметаной:

— Вот, черт, пришлось-таки сюда сунуться раньше времени...

— Чего так, Лева?

— Да эта секретутка-старуха Трибелина, делать ей нечего, гэбешной стукачке, отцу приноровилась звонить, а потом и вовсе дядьке: дескать, заждались Льва Николаевича, рабочее место, ему приготовленное, пустует...

— Ха-ха-ха! Не запустеет.

— Вот и полагал так: до декабря свои дела доделаю, а по белым мухам и заявлюсь. Ну-у, отцу-то с его увещеваниями о гражданской совести и трудовом подвиге Павки Корчагина я рекомендовал поместить их в очередной роман, но дядька...

— Чего дядька? Менты вроде как сугубые реалисты в жизни?

— Вот потому что реалисты. Ему сейчас даже чихнуть в сторону Кленового переулка нельзя, не то что мягко послать куда следует трибелинскую секретутку с ее гэбешным мужем. Опять стычка какая-то вышла между мильтонами и голубыми мундирами: кто-то кого-то заложил, а дядькин зам по политработе крайним оказался. Словом, он и посоветовал мне не залупаться и выйти на работу. Хм-м, добавил еще: «Все одно, раз пользы от тебя там не будет, то, значит, и вреда тоже!» Молодец, всегда для любимого племянника доброе слово подыщет...

Ладно, давайте шамать, а то я прямо с московской электрички, со вчера ничего не жрал, только пару пива в дорогу друзьяки всучили. Неделю там провел, товар Вадька из-за бугра приволок, хорошие пласты. Пока фарцевал там, почти все растолкал, а потом три дня пьянствовали на загородной базе «Спартака». Все меня пробовали женить на массажисточке... нет, конечно, мужской свой долг отдал ей сполна, а потом — наше дело не рожать, проспался — и домой тотчас! Хорошая здесь шамовка, особенно вот это мясо с овощами; лучше, чем на спортбазе готовят.

---

* Также бытовавшее в инженерной среде наименование 25-рублевой купюры; скорее всего, термин этот из гоголевских «Мертвых душ»; так Собакевич выражался, назначая цену за «душу».

— Ты в своем отделе-то был?

— Угу, начальник вроде нормальный мужик. Я ему плоский бутылек вискаря вчинил, а он мне алаверды: готовься, мол, Лев Николаевич, в колхоз. Для трудового исправления, так сказать. Насчет тебя особое распоряжение сверху имеется.

— Все там, Лева, будем, всем кагалом вскорости и поедем,— вступил доселе молчавший Николай, благо разговорчивый Овцовский занялся, наконец, блюдом от шеф-повара, гурмански вертя головкой-тыковкой интеллигента во втором поколении.

— Дюк еще не появлялся? — с набитым ртом спросил Лева.— Я его в начале августа видел, тоже собирался тянуть до последнего... Он сейчас лабухает где-то в сочинском кабаке.

◆ Вечер приезда, он же последний день бабьего лета, завершился общим ужином из домашних сухпайков. Кухня в досчатом домике с навесом над обеденными столами впритык, поставленная специально для приезжих шефов и располагавшаяся между клубом и школой, должна заработать со следующего утра. Двух поварих из техотдела Пируэтов улестил, обещая манну небесную, то есть по десять дней отгулов по возвращении домой. А пред обещался завтра до шести утра доставить съестные припасы на первую неделю житья-бытья. Сорокалитровый бидон с молоком подогнали с колхозной фермы еще до наступления темноты — с вечерней дойки — и поставили под навес кухни. «Не прокиснет, ночи прохладные,— заметил привезший на телеге бидон возница,— только до утра с кружками немытыми туда не лазьте, все скиснет».

Завершив суету с размещением и устройством своих лежбищ, народ, словно предчувствуя последний погожий денек, высыпал на улицу, сгрудившись у кухонного домика, внутри которого улещенные Пируэтовым поварихи Тоня и Тамара тихо и беззлобно переговаривались и гремели чем-то металлическим: видно готовили свое новообретенное хозяйство к завтрашней заутренней готовке.

С клубно-школьного холма открывался в лучах спускающегося к горизонту неяркого солнца замечательный вид на разбросанные дома села с красными «комбайновыми» крышами. За селом — малая изгибистая речка, а за ней поднималось к дальнему лесу огромное свекольное поле, на котором виднелись бурты уже вырытой свеклы, ждавшие поутру трудолюбивых инженеров — для отрубки хвостов листьев и погрузки на бортовые машины, что отвозили груз на районный сахарный завод. Предвечерний ветерок гнал порывами по полю пыль высохшей за бездождливый сентябрь земли.

От моста через речку вверх же по краю поля поднималась наезженная грунтовая дорога, исчезая в темнеющем лесу — курс зюйд-ост на сахарозавод... Андрею вроде как показалось: на совершенно пустом поле, уже который день замершем в ожидании их трудолюбивых рук, у ближнего к лесу и грунтовке бурта копошатся кто-то вроде одинаково одетых детей или подростков. Не успел он подивиться и сообщить об этом стоявшему рядом Соловьеву, как со стороны леса на дорогу выскочил местный лихач-мотоциклист со снятыми для громового форса глушителями.

— В сельмаг парень торопится за водярой или червивкой*,— громогласно хохотнул подошедший сзади Лева. От него устойчиво пахло уже принятой на грудь — еще до общего ужина — поллитровки «зубровки». Очень уважал ее, выделяя особо из всех отечественных напитков: «Для здоровья полезно, а то, что якобы само это растение снижает потенцию — так не верьте! Сам сравнивал последействие в факанье после обычной водки, коньяка, виски и зубровки: после литровки последней в контрольном, так сказать, опыте за половину суток на одной и той же чувихе — она счи-

* То же слово из давнего разговорного языка: бутылка емкостью 0,71 литра с ординарным дешевым крепленым вином типа портвешка. Правда, продукт натуральный не в пример нынешней якобы импортной ебурлыге...

тала — четырнадцать раз! Правда, и деваха умелая оказалась...» — Этот Левин опыт был известен всему «пентагону».

Но здесь поле пришло в движение: «мальцы» от давешнего бурта в един миг сорвались с места, обратились в огромный ком поднятой пыли, что со страшенной скоростью и дробящимся грохотом пересек наискосок поле и скрылся в лесу. Все остолбенели, а привезший молоко возница сплюнул досадливо и все разъяснил:

— Не дал кабанам вволю покормиться, самокатчик хренов!

— Ни черта себе,— выпучил и без того навыкате глаза Лева,— а если бы мы на их пути оказались?

Но возница, с уважением уловив целебный запашок от здоровенного рыжебородого парнищи, успокоил: при людях они из леса не высовываются:

— Звери они сурьезные и умственные, работающим людям не мешают, как иные...— Здесь возница явно вспомнил какую-то личную обиду: — Иные партейные и из начальства, которым скучно в своих кабинетах водовку хлестать, так они норовят среди людей потолкаться, власть свою показать...

Неприятный озноб у приехавших от сцены мчащегося кабаньего стада сгладил деловитый Пируэтов:

— Молодые и не очень люди империи российской! Давайте на дружеский ужин. Девушки наши уже все сгоношили!

◆ Полсотни клубных постояльцев как-то легко и даже живописно расположились на женской половине — сцене с раздернутыми портьерами. К двум поместительным диванам и нескольким лавкам, принесенным из клубной подсобки, добавили общий стол-достархан, составленный из двух связок стульев, покрытых старыми кумачовыми щитами-лозунгами с цитатами из трудов Леонида Ильича о пользе подъема сельского хозяйства. Глаза проголодавшихся радовало изобилие выпотрошенных рюкзаков и сумок. Из той же подсобки, некогда исполнявшей роль костюмерной для сельской самодеятельности, Пируэтов позаимствовал артистический фрак из черной саржи, а Лева — бухарский полосатый халат. «Ну-у, Лука, ты прямо Ноздрев гоголевский!» — «А ты, Валентин Батонович, не менее прямо Чичиков в своем фраке!» — Обменялись любезностями ряженые, причем Пируэтов даже не поморщился на такое амикошонство рядового инженера, ибо Лева себе цену знал. Батонович так Батонович, хотя и не грузин...

Расселись по интересам и симпатиям. Памятуя, что жратва — наиважнейшая из жизненных потребностей, Лева уселся меж поварих Тони и Тамары; после третьего тоста «за наши земледельческие корни предков» Лева, полуобняв незамужнюю, красиво-полноватую Тому, начал с ней активно шептаться, а после пятого — «война и колхоз все спишут»,— скинув бухарский халат на плечи Овцовского, удалился с прелестницей в подсобку, где имелись старая тахта из реквизита, а на двери — щеколда.

Тоня, хотя и замужняя, поджала губки, тем более что зоркий Пируэтов подлил масла в огонь: «Ты хоть, Антонина Сергеевна, завтра не проспи, не оставь нас без каши!» Тоня вспыхнула, что, дескать, она сама не набивалась... Назревавший на корабле бунт погасил Соловьев, взявший с собой из дома баян и начавший проверять аккорды. Вскоре распелись, а там и до плясок дело дошло. Здесь марку держали сорокалетние «варяги» во главе с Пируэтовым в развевавшемся фраке. «Вырвались мужики на волю от жен и детей»,— резюмировал Овцовский, трусовато огладив круглую коленку повеселевшей Тони. Она не возражала, в душе скорбя, что Валерка жидковат и слишком осторожен в сравнении с рыжебородым охальником... Впрочем, пару дней спустя тот же остроглазый Пируэтов отметил в дальней своей памяти: несмотря на непогоду, Валерка перед отбоем выходит тихо из зала и до общего засыпания не возвращается. Сопоставив это уходы на ночь со странным желанием вновь

нежно сдружившихся поварих поочередно ночевать не на сцене, а на изначально имевшейся на кухне панцирной кровати в закутке за печкой — якобы не тревожить коллег затемно, уходя ставить на огонь котлы с водой и молоком,— начальник бригады даже слегка зауважал хиловатого Овцовского: «Экая лиса! Не только у вороны кусок сыра перехватил. А ты, Валерка, у меня теперь на крючке: если что от тебя потребуется, мало ли что в жизни случается! — Так Тоньке намекну, что все-таки замужняя...»

И всех заинтересовало: отчего это Овцовский, ранее умеренный любитель пропустить вечерком с коллегами по паре стаканов червивки, вдруг стал баптистом-трезвенником? А Лука как-то с хохотком пояснил Смышляеву: «Тонька — бабенка серьезная и прогонистая, а Валерку с кирюхана* на высокую поэзию тянет и пенис мягис зачастую... Вот она и берет его на спалку только трезвого, зато, отпуская под утро, наливает ему за труды праведные стакан из своих припасов, ха-ха!»

И действительно, наутро после кухонного дежурства Антонины все завтракали с неохотой, сидели под навесом хмурые и несколько помятые, зато Овцовский с раскрасневшимся лицом так и сыпал интеллигентскими (при дамах ведь!) анекдотами про руководителей партии и правительства, что он, как человек осторожный, позволял себе только в приподнятом состоянии тела и души.

...Но сейчас к окончанию дружеского ужина с раскрасневшимися лицами появились Лева с Тамарой. Лева все порывался исполнить «Луку» под аккомпанемент соловьевского баяна, но Пируэтов вспомнил про свое членство в партии и не разрешил аморальщины при женщинах. Разбирали достархан и расходились по своим ложам заполночь.

◆ Андрей проснулся затемно, еще до общей побудки. Мучила жажда со вчерашнего обильного принятия «на грудь».

В сиротски освещаемом ночью контрольной лампочкой над входом клубном зале, спросонья — спали все, не раздеваясь — и тихо чертыхаясь, спустился с приступка своего с Соловьевым блатного ложа, натянул на ноги кеды и, стараясь не задевать за ноги ближнего спящего ряда, пошел на выход. Однако примеченный со вчерашнего дня бачок с питьевой водой и стандартной алюминиевой кружкой на унитазной цепочке оказался пуст и сух как арык в раскаленной пустыне. Вдругорядь чертыхнулся — мог же Пируэтов загодя назначить дневального в день приезда и распорядиться наполнить бачок: водопровод-то в клубе имелся, но где сейчас в полутьме искать кран?

Вышел на улицу — около кухонного домика летняя умывальня: несколько кранов над наклонным сточным жестяным желобом. Вышел — и вмиг после надышенной за ночь спиртовой теплоты зала охватило ознобом и мелко моросящим раннеутренним дождиком. Тянул зябкий ветерок. Вмиг остатки лета сдали свои позиции промозглой осени. Однако, подойдя к кухне, заприметил давешний молочный бидон, прислоненный к досчатой стене, а у крайнего умывальника стояла на доске кем-то забытая, явно аккуратистом, чистившим по изнеженной городской привычке на ночь зубы, полулитровая эмалированная кружка. Брезгливо, ибо и без того со вчерашнего достархана подташнивало до кишечных спазмов, помыл посудину под краном, подошел к бидону, открыв защелку, откинул прорезиненную по ободу крышку.

Ни к селу, ни к городу, а просто в голове с похмелья все прошлое и настоящее в памяти перепуталось, ясно представил себе лекционный зал на занятиях по патентно-изобретательскому делу. Преподаватель, пожилой и много чего знавший и повидав-

---

* Из сленга тех лет: кирять, кирка, кирюхан и пр.— пить (не воду!); пенис мягис (*no comments*!) — фривольно от имени популярного эстрадного певца-прыгуна (выступал всегда в кроссовках) из Эстонии. Чисто по созвучию...

ший в жизни, любивший разнообразить свои лекции всякими курьезами по части наших растяп-изобретателей и империалистических акул этого дела, как раз рассказывал об этих самых молочных бидонах с удачно придуманным запиранием крышек. Дескать, решил наш бидонный завод выйти на международный рынок, но никому в голову не пришло запатентовать эту свою тару... И вот в страну молочных рек — Датское королевство — прибыла груженая в лиепайском порту несколькими тысячами бидонов в экспортном исполнении, с полировкой алюминия, баржа. Прибывший для приема товара представитель датской фирмы восхитился простотой и качеством исполнения продукции, потом задумался и попросил нашего кэпа постоять у причала пару-тройку дней: нужно, мол, согласно порядкам нашего королевства, оформить кой-какие бумаги. А вы с командой отдохните, устроим вам экскурсию в замок Эльсинор с его тенью принца Гамлета.

Гамлета — не нашего рядового армянина, а ихнего, датского — наши мореманы так и не увидели, зато на третий день простоя явились на баржу тамошние таможенные полицейские и арестовали всю партию бидонов: дескать, вот вам... и справка вот, то есть выправленный по-стахановски всего за пару суток королевский патент на бидон со столь замечательной крышкой-заслонкой...

Отогнав прочь всплывшее в одурманенной голове воспоминание, на ощупь опустил кружку в бидон, даже не успев поразиться необычной тугости погружения посудины во вроде бы жидкое молоко. Однако во рту сухость превзошла все пределы, желудок заходился в спазмах, Андрей жадно заглотнул сразу половину содержимого кружки... И только тут дошло до него: за ночь молоко на всю глубину конического верха бидона перевоплотилось в свежайшую холодную сметану! Допив, вновь наполнил кружку, затворил бидон, опасливо оглядываясь, тщательно помыл под краном чужую посуду, поставил на прежнее место, отошел от места прегрешения и сел у входа в клуб на скамью под навесом.

Здесь случилось чудо: вместо противненьких спазмов брюхо благодарно заурчало и вовсе перестало о себе напоминать, видно, занявшись перевариванием почти литра сметаны высшего качества. А голова тотчас перестала пульсировать своими сосудами, память вмиг возвратилась к четкости мышления, но к ужасу освеженного Андрея надо всем начало довлеть одно: мучительно захотелось сжать в объятиях красотку Галочку, с которой он многозначительно переглядывался весь предыдущий месяц и очень обрадовался, увидев ее в толпе ожидающих автобусов у заводской проходной. Все последующее — конкретное, бесстыдное и усладительное — живо нарисовало воображение...

Опасаясь столкнуться лоб в лоб с поварихами, торопящимися затемно кухарить — а те все сразу поймут... по сметанной части, конечно,— Андрей заторопился на свое ложе, мигом заснул и к моменту общей побудки чувствовал себя космонавтом, но не во время полета, а именно в момент получения из рук Леонида Ильича геройской звезды. И опять все мысли о Галочке и ее прелестях, бесстыдно обнаженных. Не зря же Лева в заводской свой обед требовал на раздаче полный стакан сметаны!

◆ Надо еще пару слов сказать о пользе опохмеления в молодом возрасте деревенской сметаной.— Это обостряет дар предвидения. Так и случилось в отношениях Андрея и прелестницы Галочки. Если в городе, на работе они лишь понимающе переглядывались, то на третий день пребывания в селе, когда на час-другой перестал моросить противный мелкий дождик, а, не зная этого, Пируэтов объявил по поводу непогоды послеобеденную работу на поле отмененной, Андрей, задумчиво слоняясь около ограды, увидел Галочку, выходящую из этой самой школы:

— Ты что, Галь, решила школьный курс физики повторить?

— Нет,— чуть потупившись, но и серьезно ответила она,— скорее биологии с основами физиологии человека.— И как-то особенно рассмеялась.

Да, подумал Андрей, видно раскрепощенные Тонька с Тамаркой до полового кипения всех девок на сцене довели своими впечатлениями...

— А серьезно?

— Серьезно то, что в этой вот школе и эту же самую биологию с физиологией в старших классах ведет моя давняя школьная подружка. Она наш пед закончила и второй год отрабатывает по распределению свою обязаловку.

— Почему второй, ведь ты-то первый год трудишься?

— Сразу видно не нашего, не пентагонщика, что шесть лет учится.

— Да-да, запамятовал на природе. И как она? Страдает, небось?

— Вовсе и нет. Тылы у нее обеспечены: жених в двухгодичники* угодил, как вернется — и у нее срок закончится, а в Тулуповске у жениха квартира образуется: обещанный родительский подарок к женитьбе. Да и здесь проживает с мыслимыми на селе удобствами: по матери она как раз отсюда и живет у родной бабки сами-двое в большой избе. Бабка крепкая по-деревенски, еще шестидесяти нет — у них все рожали в восемнадцать лет,— работает в здешнем сельсовете зампредом и главбухом одновременно. Хи-хи, Ленка шепнула: бабка-то еще видная из себя, фигуры не потеряла, так главный агроном, тоже в умеренном возрасте, когда супруга на неделю-другую уезжает в райцентр внуков потетешкать, похаживает к ней в гости. Сначала, пока Ленка в школе, а потом и совсем просто. Бабка просила ее не распространяться своим родителям в Тулуповске. Сейчас вот только-только уехала по дармовой путевке на курорт помоло...

Галочка остановилась на полуслове и внимательно, чуть прикрыв длинными ресницами очаровательно-косоватые глаза с поволокой, откровенно посмотрела на недотепистого.

— Так может, мы как-нибудь сходим к подруге в гости? — осекшимся голосом с почему-то появившейся хрипотцой предложил Андрей.— Дошло-таки до него.

— Отчего же как-нибудь? Постой, я еще раз к Ленке загляну.

Вернулась она через пяток минут, зажимая в ладони маленькую связку ключей:

— Ленка лишних вопросов не задает. Можно и при ней в гости ходить — в доме четыре комнаты раздельных. Она не ханжа. Сегодня тем более у них педсовет до вечера. Пошли... милый мой, и чуть-чуть недогадливый!

Спускаясь со школьно-клубной горки, когда исчезли из видимости их крыши, а первые порядки сельских изб загораживали одичавшие яблони с не совсем опавшими листьями — напоминание о давней помещичьей усадьбе,— они начали целоваться страстно и нетерпеливо.

...Возвращались на свою горку уже в сумерках, не опасаясь никого и ничего, обнявшись. При всей этой идиллии, дисциплинированного по воспитанному характеру Андрея не покидали два вопроса. Женщину, тем более уже любящую и любимую, самый опытный мужик не проведет, что уж говорить о бесхитростном парне? Пару раз внимательно посмотрела она на чуть сосредоточенное лицо *своего* Андрея, приостановилась, всем телом обнявши, прижалась к нему, шепнула на ухо:

— Не думай о несущественном, малыш! Хотя и ценю твою заботу.

— Ты что, Галочка, мои мысли уже научилась читать?

— Конечно. Ответ на первый твой молчаливый вопрос: сегодня и в обозримую неделю у меня безопасные дни. Женщины, даже очень любящие, строго выбирают время. А дальше все от искусства, так сказать, зависит. На второй: ключи эти — от входной калитки и от дома — Ленка предоставила в наше полное распоряжение. Они у нее запасные.

---

* То есть по окончании института с военной кафедрой был призван два года служить в лейтенантском звании.

...В этот же дождливый вечер, попросив девушек-женщин на полчаса выйти в холл-предбанник клуба («там и поговорите всласть, не опасаясь наших нескромных ушей...»), Пируэтов дал отмашку Леве: давай своего «Луку»! Славка достал из футляра баян. Лева было заворчал, что на сухую глотку бас жидковат, но заботящийся о здоровье коллектива Валентин Иваныч вздохнул, порылся в своем рюкзаке и протянул артисту четвертинку «московской». Лева заулыбался, сорвал с бутылки «бескозырку», в три глотка ввел содержимое в организм, зажевал услужливо кем-то протянутым куском краковской колбасы, теребя пальцами кадык, взял пару-тройку нот нижнего регистра, посмотрел на Соловьева. Тот повторил их на баяне. И действие началось.

Лева читал нарочито заниженным басом бессмертные строки поэмы. Слушатели, не хуже пушкинских «арзамасцев», застыли в разных позах, восторженно глядя на исполнителя, а Славка уверенно новел на баяне подыгровку, акцентируя ударные строки навроде «...и вылил в глотку литр квасу» ревущими нижними нотами своего инструмента, дара русскому народу мастера Белобородова...

В тишине, воцарившейся в зале после Левиной концовки, прозвучал голос книгочея Овцовского: «А ведь граф Хвостов был отменным семьянином и кавалером российских орденов!»

— Потому и отводил душу на похабщине,— нравоучительно заметил Пируэтов, воспитывая коллектив,— что семьянин.

Слушая вокально-музыкальный дуэт, Андрей морщился: слишком резким оказался переход от только что случившегося трепетного откровения внезапно открывшейся любви, одновременно плотски страстного и упоительно нежного, к разухабистой гусарщине полуторавековой давности... А как же Пушкин слушал это? И вообще, как он сам сочинял свою «Гаврилиаду», одновременно изливая в лирических стихах все ту же, что сейчас переполняло душу Андрея, любовную нежность и трепетность? Непостижим человек в своих чувствованиях... Он даже чуть застонал: настолько сильное, неотгонимое желание уговорить Галчонка тотчас повторить путь под горку, сжимая в онемевших пальцах ключи от заветного дома. Главное, понимал: она может согласиться. И действительно, когда Пируэтов растворил дверь и галантно пригласил женскую половину: «Милости просим, сударыни, сейчас ваш номер на сцене»,— среди других вошедших с притворными хихиканьями, молчаливая Галочка посмотрела посерьезневшими глазами на *своего* Андрея и как-то неуверенно «да-нет-да...» кивнула ему, что значило: сам решай за нас обоих, *милый*.

Все же он унял нелепый в такое время и в такой ситуации порыв, тем более, что прямо под его с Соловьевым блатным лежбищем забухало-загремело. Они подозвали Пируэтова:

— А-а, не зря я сегодня полдня не отставал от завхоза, мол, пора отопительный сезон в клубе открывать, мерзнем. Это, ребята, котельная для клуба и школы в угловом полуподвале, прямо под вами. На солярке работает, в ритм войдет, так вообще не слышно будет, главное, чтобы истопник не перепил на ночь самогонки — на воздух весь угол взлетит! Шучу, шучу, пока, как завхоз говорит, до этого дела не доходило.

...Все же Соловьев, самое свое ценное — дедовский баян, по семейному преданию самолично изготовленный Белобородовым*, перенес в другой угол зала, рядом с входной дверью, где стояла задвинутая тумбочка билетерши. Поставил на нее инструмент со словами: «Береженого бог бережет. Вот тебе и блатное место!»

◆ Наутро, улучив момент по пути в кухонный навес на завтрак, нагнал Галочку, шедшую обочь женской стаи, обменялся с ней мысленным поцелуем и шепнул на ухо:

— Какую мысль мою вчера после концерта Левы со Славкой прочитала?

---

* Тульский создатель хроматической гармони и баяна.

— Прочитала, конечно, милый. Позвал бы — пошла. Но ведь основное-то удовольствие в ожидании?

— Умна ты не по годам и принадлежности к женскому полу.

Она на краткий миг прижалась к нему, полуразвернувшись, грудью и плечом, все также шепнула:

— К любви это не относится. Но — все впереди!

После рисовой каши, щедро сдобренной Тамарой (ее очередь ночью была спать на кухне...) маслом, и пионерского кофейного напитка «Дружба» на молоке все вернулись в клуб, переобулись в резиновые сапоги, надели телогрейки, на голову — кто во что горазд, и тронулись разношерстной ордой по моросящему мелкому дождику, которого уже не замечали, к мосту через речку, к которому притулился закрытый еще сельмаг, и далее разбрелись по свекольным буртам. Из-за леса сверху поля показались и два грузовика. Начались трудовые будни.

Будни же состояли в хватании левой рукой приглянувшейся свеколины и обрубании зажатым в руке правой местного изготовления мачете пожухлой ботвы. Затем готовая свекла бросалась в нарастающую кучу чуть поодаль. Когда подъезжала машина с умеренно опохмеленным водилой, мачете откладывались и буртовая бригадка зашвыривала свеклу в кузов. Вот и вся недолга. В первый день полевой страды пришедший агроном, воздыхатель Ленкиной бабки, поучал: «Рубите ботву, стараясь особо не обкорначивать, так сказать, жопку овоща. И ни в коем случае баловства ради не рубите хвостовики: в последней трети корневища самое большое содержание сахара — до двадцати процентов. Можете сами убедиться для пробы». Заинтересовавшиеся выбрали свеколки почище, отрубили эти самые хвостовики, соскоблили кожуру с грязью, зажевали. Действительно, не то чтобы сахар, но на сладость экономного столовского чая вполне тянет! Рассказав пару баек о свекле, матерый агрономище пошел в сторону Пируэтова — на легком матерном языке согласовывать норму дневной выработки.

В тот день, к неудовольствию всех тружеников, работали до отупения, уже не чувствуя тяжести тесаков-мачете, изготовленных из рессорных полос, весь день: дождик так и не разошелся до серьезного дождя.

После обеда с жирными щами и настоящими макаронами по-флотски (ох, удовлетворил же ночью принявший четвертинку Лева *свою* Томку!) отправились на законные полчаса полежать на своих тюфяках. Кто успел заснуть — того грубо будил Пируэтов: «Это вам не ракеты и пукалки всякие рисовать! На случай войны под Иваново-Вознесенском в складах в полной смазке хранятся с первой и второй мировых войн десять миллионов мосинских винтовок. Это у нас в стране уже традиция: как воевать, так с трехлинейками! А вот без сахарку безо всякой войны взвоете. Вставайте, Родина на поля зовет!»

По выходу — с легкими проклятиями и стенаниями — из клуба вновь тронулись к мосту через речку. Андрей вышел из последних: сон успел словить за эти полчаса сладостный, все о том же. Поэтому не удивился, что нарочито замедлившая свой обычный быстроногий шаг Галочка оказалась рядом и кивком головы попридержала его, чтобы оказаться в нескольких шагах от последних из впереди шедших.

— Спал и меня во сне ну-у, скажем, видел?

— От тебя и во сне не скроешься. А ты что так вот явно? Сама же говорила о маскировочном приличии, чтобы болтовни поменьше было...

— Уже не надо маскировки. Девки нас уже поженили.

— Откуда узнали? Вот чертовки глазастые!

— Деревня, даже если село. Еще не успеешь что придумать — всем известно. Ладно, как это Мопассан говорил?

— Насчет дела или тела? — поддержал Андрей Галкину игру в серьезность.

— Да-да, конечно, милый. Пока ты во сне мечтал о журавле в небе, я с Ленкой в школе о синице в руках договаривалась. Значит, так поступим. Как начнет темнеть — пойдем к ней. Не в школу, конечно. У нее сегодня только два урока и сейчас она домой направилась. Будет ждать нас.

— Фонарик возьму, а то в темноте возвращаться...

— Дуралей. С ночевкой идем.

— А тревогу не поднимут наши?

— Я уже говорила: бабы все в курсе, а к вечеру и твоим мужикам все обстоятельно расскажут. Для проформы скажи Пируэтову, что обнаружил в селе дальнего родственника и идешь к нему самогонку в меру пить. Он, конечно, не поверит, но будет спокоен. Славке же скажи как есть. Мы с ним в одной группе учились. И он тебя искать не будет.

В полном восторге обнял подругу, стараясь прижаться к ее роскошной груди.

— Тс-с, леди и джентльмены публично свои чувства не афишируют.

Здесь орда подошла к мосту. Сельмаг зиял гостеприимно растворенной дверью.

— Галчонок, надо для приличия что-нибудь взять с собой? Я на обратном пути вот сюда загляну.

— Не надо. Водка и червивка — это пошло. Шампанского здесь не держат, зато у меня НЗ приличный имеется. Ладно, я к женскому стаду побегу. Чао, мой милый!

Увлеченный столь занимательной беседой, Андрей едва не прозевал одноактную пьесу: на траверсе магазинной двери Лева отделился от коллектива и в три маршевых шага исчез в ее проеме, а через полминуты выскочил, на ходу засовывая в карман телогрейки четвертинку и пару твердокаменных баранок.

— Душа горит, начальник,— панибратски хлопнул он по плечу притормозившего Пируэтова,— еще один «Лука» за мной!

«А я вот не буду сегодня твоего «Луку» слушать»,— с некоторым даже злорадством подумал Андрей.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Зимний отдых в Закарпатье - 1

«ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ»*

◆ После ужина все вернулись в клуб: и так за целый день мелкий дождик смертельно надоел. Галочка, проходя мимо остановившегося в холле-предбаннике посмотреть на бильярдную игру Андрея, шепнула: «Через час будь готов, да особо не маскируйся — встретимся у школьной ограды».

На большом клубном бильярде уже началась крупная игра, руководил мастер этого дела Лева, на обратном с поля пути вновь заскакивавший в сельмаг. Впрочем, на этот раз далеко не он один. Андрей к катанью шаров относился равнодушно, тем более, что уже очередь на полдесятка партий образовалась. Покурил, глядя на мелькание киев, но мысли текли совершенно в другую сторону. Маясь от нетерпения встречи с Галочкой, вошел в зал и направился к своему ложу, но его попридержал недалеко квартировавший Овцовский, среди прочего, его коллега-библиофил. С восторгом воскликнул, доставая из большой дорожной сумки толстенькую, изящную старого формата книгу:

— Смотри, Андрюха, что я вчера в библиотеке отыскал!

...Клубная, она же сельская, библиотека располагалась справа от холла-предбанника и поразила приехавших своим нетронутым, то есть не очень-то востребованным местными, книжным изобилием. На второй день по прибытии они с Овцовским, усмехаясь, мол, здесь ничего кроме старых подшивок «Огонька» и «Сельской молодежи», да сказок Гайдара нет, дождались прихода библиотекарши, отомкнувшей дверь, и ахнули: в поместительном помещении размером в треть клубного зала на подпиравших потолок стеллажах стояли все мыслимые собрания сочинений, трех- и двухтомники и все остальное из художественной литературы, изданное за последние двадцать лет — со дня постройки клуба. Чего и в самом радужном сне не увидишь на полках городских библиотек: разобрано читателями, украдено библиоманами, «списано» расторопными библиотекаршами и просто хранившееся в отдельной подсобной комнате — для добрых читающих приятелей и приятельниц, родственников и их детей.

Юная, равнодушно-задумчивая библиотекарша, дочь колхозного зоотехника, только что окончившая школу и собирающаяся на следующий год поступать в Тулуповское культпросветучилище, кулек по-местному, с ненавязчивым интересом посмотрена на вошедших:

— Будете что брать? Тогда заполните анкеты и два рубля залога. Верну, когда будете уезжать и сдадите книги.

— А если нас срочно увезут и сдать не успеем? — сыронизировал Овцовский.

Библиотекарша пожала еще девичьими, не раздавшимися плечиками:

— Мне-то что, спишу на залог, а рубли ваши в колхозную бухгалтерию передам. Вся-то недолга. На следующий год приедете — снова запишитесь и залог уплатите вдругорядь.

— Красиво говоришь, дорогая,— восхитился подхалимно Овцовский,— образно, чисто по-русски! Величать-то как?

Библиотекарша уже с живым интересом посмотрела на невысокого, но хорошо сложенного, как-то по-спортивному, хотя этим делом он не баловался, худощавого, красиво подстриженного тулуповской знакомой парикмахершей Валерку:

— Верой меня величать, хи-хи, а говорю — так это я пьесы Островского сейчас читаю, готовлюсь в культпросвет поступать. Вас надолго сюда?

— До белых мух,— на всякий случай неопределенно ответил Овцовский,— так мы посмотрим книги?

---

* Название второй книги Марселя Пруста из многотомного романа «В поисках утраченного времени».

...Вышли они из библиотеки в разной «весовой категории»: Андрей взял двухтомник Томаса Манна «Иосиф и его братья», который давно хотел прочитать, и «Слова» Сартра — редкость, которую он не видел даже у знатных тулуповских книжных спекулянтов, что роились у городской «Буккниги». Овцовский же забрал стопу, что нес, прижав к груди обеими руками, сладострастно бормоча, что в его домашней библиотеке далеко не все полки заставлены...

— Так ты, Андрюха, понял диспозицию? Верке на все наплевать, ей надо перебираться в город, поступать в кулек и замуж удачно выходить. Так что, не торопясь, подбирай себе в дорогу что приглянется. Я — то же самое. Верка же залогом отчитается.

— Грех это, Валер, осла ближнего пожелать...

— Ну-у, Верка и колхоз нам далеко не ближние, тем более первая — у нас с тобой свои ближние здесь уже образовались... нечто не вижу, как ты Галочку обхаживаешь? Ну и насчет осла: некогда местному населению Сартра, что ты улещил, и Кафку, что у меня, читать. Вечная битва за урожай, так сказать. Нам же с тобой самый смак, ведь не отдавать же перекупщикам по ползарплаты за такие книжки?

А потом, знаешь, это ведь не кража, а почти честная купля-продажа: два целковых тоже деньги ведь. Кстати, даже сама кража книг есть интеллигентское воровство. Этот самый книгочей может быть кристально честным, копейки чужой не возьмет, но книгу — да! Даже обливаясь при этом слезами раскаяния. Пример из жизни: приятель мой — ты его не знаешь — жаловался: позвал на годовщину свадьбы лучших друзей своих и подруг супруги, тосты всякие, мол, вечное «горько», все на брудершафт пили, а, проводив последнего гостя, случайно взглянул на книжные полки, что заставили целую стену в прихожей и — пустой проем в ряду книг и на том самом месте, где роскошно переплетенный дореволюционный пятитомник Кнута Гамсуна стоял... Вот так-то, мой дорогой совестливец!

— ...Так смотри, Андрюха, что вчера, покуда ты вокруг своей Галочки увивался, я нашел в библиотеке в заднем углу, где свален всякий хлам на списание,— и Овцовский, сияя, как будто золотой клад отыскал, протянул коллеге старого издания книгу, источавшую кремовый затхлый запах, что аллергика укладывает вмиг на больничную койку, а истинному книголюбу еще на пару лет продлевает жизнь.

Андрей бережно, ловя при этом тревожный взгляд Овцовского — сродни материнскому, когда она на миг передает своего младенца на руки хотя бы даже и ближней родственнице, открыл книгу на титульном листе. Такого даже у столичных спекулянтов-перекупщиков на Новом Арбате не встретишь: первое и пока единственное на русском языке издание романа Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету», выпущенное в тридцатые годы ленинградским издательством «Художественная литература». Ни много ни мало! Андрей перелистывал на ощупь вроде как теплые страницы добротной веленевой* бумаги благородного цвета слоновой кости, что таковая приобретает со временем, любовался не поддающейся выцветанию высокой печати** буквами шрифта «Академический».

— Да-а, это вещь!

— Не вещь, но драгоценность, раритет. Кстати, недавно читал в «Книжном обозрении», что нынешняя «Художественная литература» готовится издать Пруста только в следующей пятилетке.

— Смотрю, даже штампа библиотечного нет. Как же она туда попала?

— Я Верочку спрашивал: все пожимает плечами. Сказал пару комплиментов про ее расцветающую красоту, даже стишок халявный тут же сочинил:

---

* Бумага высшего качества, изготовленная из тряпичного материала, что собирали старьевщики (*Second hand* по-нынешнему).

** То есть печать металлическими литерами — изобретение Иоганна Генсфляйша Гуттенберга, ювелира из Майнца...

Твой голос меня будит по утрам,
Как узник, я считаю дни и сутки,
Когда свиданье постучится к нам...

Для деревни сойдет. А она мне алаверды и подарила неучтенную книгу. Как бы Тонька не узнала про всякие там стишки — прибьет, с нее станется!

◆ Спускаясь в полутьме с заветной горки, Андрей правой рукой обнимал спутницу, чувствуя ладонью ровное биение-вздрагивание ее тугой груди. Даже стянутая свитером плотной вязки, под теплой курткой, она соответствовала своему высокому номеру — при девичьем еще стане и модельной талии... В левой руке он держал сумку-пакет, врученную Галочкой.

Не был он особо мнительным, но, обнимая *свою* Галочку, некстати вспомнил некогда слышанное, что-де роскошная грудь у незамужней, очень молодой женщины — верный указатель на активную половую юность. Тотчас испугался, вспомнив о сверхпроницательности подруги, у которой, по ее словам, вроде как прабабка слыла деревенской колдуньей-знахаркой, попробовал отогнать паскудное... но поздно уже.

— Андрюша, отвечу строками нашего с той любимого поэта:

Но для женщины прошлого нет,
*Разлюбила — и стал ты чужой.**

Нам ведь с тобой, милый, не по шестнадцать лет, а я к тому же на год старше тебя. Что было, то было. Да и было-то... так, студенческая жизнь.

— Не обижайся, любимая,— Андрей остановился, крепко обнял ее, податливую, крепко и долго целовались,— но все же объясни мне, как «физику, а не лирику», как ты угадываешь мои глупые мысли. Вот теперешний конфуз, а?

— Точно так же, как все колдуньи, гадалки, цыганки и новомодные экстрасенсы. Ты вот подумал про мою грудь, которую обнимаешь, а я почувствовала какую-то неуверенность в пальцах твоей ладони. Все это просто, но при условии: род надо вести от колдуньи-ведуньи... Пошли, мой сомневающийся во всем!

Андрей почувствовал в теле жар — прилив нежности к *своей* вещунье, но тут же озаботился иной докукой: как вести себя с хозяйкой дома, готового приютить их? Ответное не замедлилось:

— Не напрягайся, Андрюшенька. Ленка — девка правильная, не ханжа. Себе цену знает, но и в других изюминку приветствует. И очень целеустремленная. Знаешь, как она сюда попала?

— Ты говорила: распределение, у бабки своей почти как на вилле живет, сам уже дом видел...

— Не совсем так. По распределению в деревню посылают негородских и устойчивых троечников. А она с красным дипломом, сразу в заочную (звали в очную) аспирантуру поступила в своем педе, квартира родительская в Тулуповске в «сталинском» доме в центре...

— Вот это да-а! Но я ведь, в отличие от тебя, мысли читать не умею. Поясни, пожалуйста.

— Поясняю. Жениха ее, двухгодичника, отправили служить в Заполярье на шахтные ракетные установки. И спиться нельзя, и всяких женских соблазнов в большом радиусе не имеется. Ленка, как истинная жена декабриста, решила уравнять до свадьбы их статус-кво: попросила распределить на село, к бабке; в институте удивились, но пошли навстречу. Даже версия по институту пошла: собирается делать диссертацию по биологии на сельхозматериале.

В общем, все правильно. И диссер свой сочинит на этом самом материале: что-то,

---

* Иван Бунин «Одиночество» (далее по тексту стихи Бунина).

могу ошибиться, о влиянии трансгенеза на биологические и сельхозполезные показатели свиных приплодов.

— Где же она исходный материал по столь специфической теме берет... не в школе же?

— Не в школе, там нет парнокопытных. В соседнем районе образцово-показательный свинокомплекс с опытной станцией от сельхозакадемии. Туда она через отца, заведующего сектором в аграрном отделе тулуповского обкома, прикрепилась. Блат не блат, но по воскресениям туда регулярно ездит, то есть действительно делом занимается. А литературой снабжает мать — доцент в том же педе.

— И зачем это ей?

— Я же начала рассказывать: в равных условиях с женихом пару лет провести, вдали от городских соблазнов, но и без излишних бытовых трудностей. Потом она думает по стопам матери идти — преподавать в институте, а для этого ученая степень нужна. И себя проверить, и другим показать, что не финтифлюшка обкомовская, а человек с работающей головой.

— Н-д-да. Такие не дают возможности разочароваться в нынешней жизни.

— Да жизнь-то не стоит разочарований. Это все наносное, по нашей молодости. Наши потомки еще завидовать нам будут; вот увидишь, когда доживем. Да и *мы с тобой* не пальцем деланы, извини за эвфемизм, главное, не потерять себя и друг друга в суете жизненной, жить в доступную меру красиво и свободно, не в обузу другим людям, но в пользу.

— Мудрено, милая, говоришь, прямо по Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху: свобода есть осознанная необходимость.

— А я, Андрюшенька, не только страстная, но и ученая девушка. В этом смысле ты за мною не пропадешь, не отчаешься... а я за тобой тоже. Заметил ведь еще с лета, как я к тебе присматривалась?

— Заметил, но маловато ведь времени прошло, чтобы полностью оценить?

— Это все в считанные минуты, а то и секунды природа за нас делает. Выбрала тебя — и все! Сам понимаешь, что выбирают всегда и только женщины. Закон природы все той же. А мужикам они великодушно не запрещают в ихних мальчишниках-пьянках похваляться: вот какую чувиху вчера снял — и тут же на станок уложил! Нет, дорогой мой супермен, это она тебя сняла и для проверки легла с тобой; на утро же вердикт: мой или не мой... Однако, Ленкин дом. Давай пообнимаемся-поцелуемся, с пару часов нужно вести себя комильфо — для знакомства с хозяйкой.

После долгого, обещающего пик страсти поцелуя Андрей прошептал ей на ушко вошедшие у них в обиход бунинские строчки:

Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой.

◆ Андрей из рассказа Галочки заранее составил мысленный портрет ее подруги. Получалось — должна она выглядеть среднего «девичьего» роста, как и Галочка, но только в меру полноватая — с крепкой статью, шатенка (все училки ему мнились шатенками) с короткой стрижкой. Не очень впечатлительный бюст и среднестатистические ноги дополняют этот абрис, скорее характерный для недавно вышедшей замуж молодой учительницы. Увы, как всегда ошибся во всем, исключая роста.

Войдя в незапертую калитку и пройдя до входной в дом двери — под навесом и с лестницей в несколько ступеней,— хотели нажать кнопку звонка, но выложенная дубовыми плашками дверь тут же приоткрылась, а яркий свет из прихожей вырвал фигуры гостей из уличной темноты.

— Входите, входите! Мой сторожевой кот вас загодя почуял и замяукал.

Андрей пропустил спутницу, вошел сам, все еще привыкая к свету. Солидного видом кота он хорошо разглядел в первый приход, но вот Лена... оказалась почти

копией Галочки, только бюст самую чуть малость скромнее и коленки не такие очаровательно круглые... Кой-какой жизненный опыт у него имелся, знал, что много мнящие о себе девицы выбирают — на контрасте — в подруги менее видных, даже дурнушек, но умные и знающие себе цену — ро́вней. Здесь имело место второе. Даже прически каштановых волос одного фасона. Девушки поцеловались.

Кратно представив ранее не знакомых, Галочка передала сумку хозяйке. Занялись разуванием — выбор домашних тапочек аккуратно, попарно занимал верхнюю обувную полку. Кивнув вослед уносящей сумку Лене, не то серьезно, а скорее в шутку шепнула:

— Смотри, дурашка, не влюбись в мое *alter ego**!

Отнеся сумку в соседнюю с прихожей кухню, Лена вернулась, встала рядом с Галочкой, обращая ее внимание на большое, старинное трюмо:

— Знаешь, Галина Николаевна, мы с тобой как-то не соответствуем церемониалу знакомства с интересным молодым человеком? Размеры у нас *почти все* совпадают, пошли-ка к гардеробчику. Андрей! Пройди, пожалуйста, в гостиную. Барсук составит тебе пока что компанию.— Это налево, если не совсем освоился с домом...— И подмигнула Галочке.

Еще в первый приход, хотя они с Галочкой «освоили» только гостевую комнатку, да на кухню Андрей попить заходил, он понял из ее слов, что дом этот некогда являлся правлением, но затем построили новое, двухэтажное здание под него. Ленкин дед, ныне покойный, председатель колхоза, перестроил бывшее правление под поместительный жилой дом, оставив почти все из прежней мебели — старинной и добротной, в свое время перенесенной из помещичьей усадьбы. Саму же ее до основания разрушили в войну: в окрестностях села шли тяжелые танковые бои.

...А бильярд достался вновь построенному клубу, где в эти минуты Лева давал урок профессионального владения кием.

Выложенный паркетом пол гостиной и потолок с лепниной говорили о былой славе передового хозяйства района, да и в области входившего в пятерку лучших. Но в полный восторг приводила бывшая помещичья мебель: книжные шкафы, напольные часы с боем, овальный обеденный стол, многопудовый кожаный диван, два таких же кресла, явно не ширпотребовские высокие стулья. Не то что дед-председатель хапуга был, но на бывшую правленческую мебель спроса в селе не оказалось: старье, мол, вот если бы нынешние румынские стенки? На маленьком пристенном столе, тоже дореволюционной фабрикации, под абажуром угадывались диссертационные книги и тетради хозяйки.

Но все же давили своим великолепием книжные шкафы под потолок. Овцовский, попади сюда, точно сошел бы с ума; такое Андрей видел только в большом читальном зале областной библиотека: полки плотно уставлены не столько хорошо подобранными современными изданиями, сколько помещичьим «конфискатом»: большие золоченые, в кожаных переплетах многотомные энциклопедии на французском, немецком и русском языках, в том числе полный Брокгауз и Ефрон, занимавший несколько полок! Конечно, французская «Ларусс» и «Британика»... собрания сочинений на языке оригиналов Вольтера, Гёте... Но здесь в гостиную вошли подруги. Андрей оглянулся, словно застигнутый на месте преступления, и ненарочито в восхищении только и мог что развести руками.

Вмиг подросшие каблуками туфель на десять сантиметров, Галочка в зеленом, Лена — в кремовом платьях одного фасона, со взбитыми и полаченными прическами, в умеренно-ярком макияже, подружки смотрелись бы в тон старинной мебели собирающимися на бал к предводителю, если бы не неприкрытые коленки...

---

* Второе «я» (лат.).

— Извиняемся, подпоручик (Андрей, как обучавшийся на военной кафедре, имел лейтенантское звание), в моем гардеробчике бальных кринолинов не сыскалось,— засмеялась хозяйка.

А он оторопел: неужели и она из потомственных колдуний-вещуний? Сам же смущенно посмотрен на свои мятые алжирские джинсы* и клетчатую рубашку, сдавленно извинился за сельскую простоту.

— ...И хватит нам извиняться. Мы — на кухню кухарить, а ты, Андрей — надеюсь, мы уже на «ты»?— займись музыкой, магнитофон и проигрыватель на угловом столике, где и телевизор.

Ушли, на первом шаге сделав синхронное вальсовое «па» с поворотом. Да, с холодком восторга подумал он, вот и оказался под сенью девушек в цвету...

◆ Обеденный стол на массивных гнутых дубовых ножках, рассчитанный на помещичью семью с приживалками и непременными гостями из соседних усадеб, то есть на полтора десятка персон, был накрыт с одной лишь стороны овала скатертью на троих. После сытной, но однообразной стряпни Тони и Тамары накрытый стол взыграл аппетит Андрея: яичница на сале, домашний паштет, порезанные тонкими ломтиками холодная телятина и сыр, огурцы из колхозной теплицы, шпроты, а к ним коньяк и только что освоенный Тулупувским ликероводочным заводом отменный ликер «Шартрез» (еще там делали «Бенедиктин» и даже виски) — что-то из этого и нес Андрей в сумке.

Лена восхитилась ликером — первый раз «Шартрез» пробовала:

— Ну и мастера-самоделкины на нашем ТЛВЗ! Помните, как на студенческих посиделках под гитару пели:

Тээлвээ — как мне понять
Твою аббревиатуру?
Тээлвээ, тээлвээ —
Несешь ты в массы
Горькую культуру!

Девушки начали вспоминать, как у них принято в таких случаях «под ликер», сразу обо всем: от судьбы общих школьных подружек до особенностей сельского житья-бытья. Андрей оценил их так: дают ему возможность, не отвлекаясь на дежурные комплименты, поесть от души.

Верхний свет в гостиной выключили сразу после сервировки стола. Ужинали в боковом освещении от торшера возле рабочего стола хозяйки. Прямо на книжках и тетрадках под абажуром разлегся кот Барсук, действительно, чем-то отдаленно схожий с этим зверем.

Заметив интерес гостя к коту, Лена пару раз провела язычком по тыльной стороне накрашенных в тон платью губ, что явно означала обдумывание некоей мысли:

— Можно с места в карьер? Я послезавтра должна на неделю уехать на опытную станцию в соседний район, я к ней по диссеру прикреплена. Приезжает с лекциями для сотрудников и «разбора полетов» профессор Эрнст, вернее уже член-корреспондент, из сельхозакадемии, главный там по генетике и селекции свиней. Он же мой официальный руководитель, которого я еще ни разу в глаза не видела. В школе уже решила все с переносом уроков, бабусе еще двадцать дней быть-стать в своем санатории-курорте. А вот Барсук? Соседей не хочется обременять, а вот вы...

— Согласны.

---

* В те годы Алжир, недавно освободившийся после кровопролитной войны от Франции, за советское оружие расплачивался бартером наливными танкерами довольно мерзкого сухого вина и джинсами кирпичного цвета стоимостью семь рублей сорок пять копеек. Настоящие “Levi’s” и пр. могли позволить себе только люди типа Левы.

По опережающему ответу Галочки Андрей мигом сообразил, что они уже все обговорили.

— Ну и замечательно, отдохнете от своей клубной конюшни. А как обращаться с АГВ, от которого отопление в доме и душ, я пока...

Здесь уже Андрей опередил:

— Я знаю. В Тулуповске живу в частном доме с таким же АГВ и отоплением. Только без душа.

— Вот и замечательно. Давайте еще выпьем и — танцы! Не зря же мы с Галкой туфли надели, вовсе не гармонирующие с деревенской осенью, но очень подходящие под этот римейк барского дома и ужина почти что при свечах... Кстати, соседей справа и слева — то есть все село будет в курсе — я предупрежу, чтобы у них лишнего любопытства не возникло: вы молодая супружеская пара, что, как я понимаю, не слишком далеко от истины, да? А своему бригадному начальнику и коллегам что-нибудь соврете.— Все одно не поверят, только что позавидуют. Андрей — тост!

Оговорившись — не кавказец я и не комсомольский функционер, Андрей взял рюмку с коньяком, встал и довольно складно — предыдущие две рюмки язык развязали — протостировал в том смысле, что невыразимо приятно оказаться под сенью девушек в цвету, забыть на миг о дождливой осени за стенами этого великолепного дома...

— ...Пью за вас, юных и очаровательных!

Выпили. Немного расшалившаяся Лена шепнула Галочке: «Пей, Андрюша, да дело разумей!» На что та ответила также на ушко с сережками: «Не сомневайся, Ленок, очень даже разумеет...» Несколько загадочно для Андрея подружки посмеялись чему-то своему, явно девичьему.

— Все, девочки-мальчики, танцы и только танцы,— обратилась хозяйка к Андрею,— давайте музыку, маэстро!

◆ — А под утро ненастного дня я кажусь тебе женой?

Андрею, под утро впавшему в бестелесный короткий сон, вопрос этот показался продолжением содержания сладостного сновидения, в котором явь переплетается с бесконечным повторением прошедшего и ожиданием еще более откровенного и волнующего. Но и сон минутный улетел, когда теплый, обволакивающий язычок Галочки пощекотал его ухо. Сразу сообразив, что вопрос вовсе не из сновидения, Андрей открыл глаза, в едва-едва забрезжившем за окном рассвете разглядел очертания наклонившейся над ним головы подруги, уже щекочущей его лоб, щеки и губы волосами рассыпавшейся за ночь прически, приподнялся, развернулся на локте и впился в припухшие губы Галочки, тотчас скользнувшей сухим разгоряченным, шелковистым телом под него. На секунду оторвался от губ:

— Уже не кажешься любимая, а стала ей...

Еще чуть посветлело за окном, когда через полчаса они разжали объятья и легли на спины, сбросив на пол излишнее в жарко натопленной комнате одеяло, а Галочка на ощупь включила низкое настенное бра. Слабый оконный свет тотчас обратился в темноту.

— Я согласна, любимый, и уже почувствовала себя твоей женой, а потому — слышу уже Ленкины шаги — надо и нам собираться, все вместе на горку нашу пойдем, как говорится, к первому уроку. Вечером — сюда же: завтра в это время проводим ее на рейсовый автобус и — вступим на неделю в права хозяев этого роскошного дома — пока своего нет.

...Не только неделю сам-двое, но и весь остаток колхозной эпопеи они провели у Лены, в зависимости от степени дождливости погоды отрабатывая свою свекольную барщину. Народ вежливо помалкивал, ибо новость перешла в обыденность, обсужда-

лись другие казусы: повариха Тоня побила Овцовского за легкую, деловую интрижку с клубной библиотекаршей Верой, но Валерка вымолил прощение. И был прощен по причине женской доброты и любвеобильности. И другие мелкие коллизии слегка развеивали наступившее осеннее уныние. Всем захотелось домой.

Первым звонком стал отъезд Левы: он поистратил на сельмаг все карманные деньги, да и вот-вот должна была прийти в Тулуповск очередная партия пластов от гамбургского (через Москву, конечно) Вадьки. Лева сходил в колхозное правление, заявил секретарше, что нужно срочно позвонить в Тулуповск родственнику-генералу и, попросив ошарашенную женщину оставить его одного, о чем-то долго говорил с дядькой.

На другой день под вечер на горку с трудом взобрался по раскисшей дороге милицейский уазик, из которого вышел старлей, подмигнул оказавшемуся рядом Леве, потребовал Пируэтова, откозырял и сообщил, что прибыл за гражданином Тепляевым — доставить того в город для прохождения двухнедельных курсов активистов добровольных народных дружин. Вручил оторопевшему Валентину Ивановичу повестку по форме: «Передадите по приезду в Тулуповск своему начальству!» К Леве в попутчики набился Овцовский с двумя сумками, затаренными библиотечными раритетами. Он еще вчера, услышав от Левы об отъезде на историческую родину, сходил в колхозный медпункт, симулировал перед тамошней фельдшерицей осенний приступ плечевого миозита и получил медицинскую справку-направление в лечебницу по месту постоянного жительства, где, кстати говоря, трудился его сосед по подъезду, тоже страстный книжный коллекционер. Овцовский для него приготовил роман Уильяма Фолкнера «Деревушка»— из клубной библиотеки, разумеется.

Дезертирство Левы и Овцовского больно отозвалось на всех. Оставшись соломенными вдовами, поварихи Тоня и Тамара тотчас утратили все свои кулинарные изыски и раздраженно наливали и накладывали в подставляемые алюминиевые миски осточертевшую молочную лапшу и макароны с ошметками сала вместо прежнего мяса. Правда, имелось оправдание от Пируэтова: учитывая низкую выработку из-за беспрерывных дождей, завхоз на мясной приварок стал выдавать одну лишь свиную брюшину...

А тут коллектив и вовсе обезглавили: срочно вызвали в КБ Пируэтова — принимать и руководить запуском в работу множительной техники. За себя Валентин Иванович оставил «варяга» Алдошина, слабо соображавшего в организационных делах.

Последнюю неделю пребывания народ, исключая проводящих медовый месяц Смышляева и Галочку, просто мучился: не столько физически, сколько нравственно. Футляр баяна Соловьева покрылся от неиспользования пылью. Ассатурьян, Петрищев и вечно хмурый лаборант Васюков, доселе не замеченные в злоупотреблении, по вечерам глушили сельмаговскую червивку.

День икс пришелся даже не на дождь, а подобие кары небесной, разверзшейся над селом и миром всеми хлябями и ветрами. Грунтовые дороги вздыбились. Понятно, на поле никто не выходил: ни приезжие, ни свои, сельские. В три часа пополудни прибыл вестовой из правления: «Собирайтесь мигом, у автобусной остановки на трассе две машины за вами прибыли. Водилы отказываются с асфальта съезжать! Да, молодых ваших, что квартируют у сельсоветовской зампредши, у внучки ее, уже по пути сюда предупредил. Не мешкайте, а то и стемнеет совсем...»

Андрей с Галочкой и вышедшей их проводить Леной стояли под крылечным навесом и наблюдали апокалипсическую картину. В сплошном прямом, секущем дожде, исторгаемом иссиня-черными тучами, захватившими все догоризонтное пространство неба, по развязшейся земле, в начавшейся темноте, среди замерших, обозначаемых только оконными светлячками домов, шла растянувшаяся колонна ны-

нешних павок корчагиных. Мат и все прочие разговоры заглушались стрекотом дождя и чавканьем сапог, перемешивающих разбухший суглинок того, что принято называть сельской улицей. Лена, как бы оправдываясь за свое село, сказала, что бабуся уже третий год все пробует заложить в бюджет асфальтирование хотя бы пары внутрисельских дорог.

Галя, обняв подругу и Андрея, что-то умиротворенно мурлыкала, как пригревшийся котенок, а сам Андрей все ломал голову: что за сюрприз обещан ему тотчас по приезду в город? — Прелестны девушки с загадками, но не дают расслабиться, так сказать, держат на коротком поводке...

Меж тем чавкающая дорожной грязью колонна, чем-то напоминающая кадры военной кинохроники — сдавшаяся в плен армия фон Паулюса,— поравнялась с домом. «Присоединяйтесь, молодые!» — махнул рукой возглавлявший шествие Алдошин. Остальные брели угрюмо и молча. Не до забав любовных, мол.

— Прямо Моисеево исшествие из египетского плена,— восхитилась Лена.

И действительно, Соловьев сгибался под двойной ношей: вещмешок и короб с баяном. Очень хозяйственный Логвинов, учившийся на одной специальности с Галочкой, только в другой группе, нес на голове, придерживая обеими руками, прикрытую от дождя куском полиэтиленовой пленки от мешка с суперфосфатом непочатую коробку макарон — не бросать же на опустевшей до следующей страды кухне! Страстный охотник Погорельский, тоже выпускник «пентагона», бережно нес на согнутых в локтях руках щенка гончей породы. Прикрытый все от того же дождя брезентовой попонкой, щенок с любопытством смотрел по сторонам. Первое в жизни путешествие ему явно нравилось. Щенка Погорельский сторговал за пять рублей и бутылку «Экстры» у местного тож охотника. Сама же эта порода, чудесным образом не смешиваясь с деревенскими дворнягами, сохранилась с помещичьих времен.

— Да, ни революции, ни коллективизация с раскулачиванием, ни война не извели эту густопсовую братию,— восхитился Андрей и со значением процитировал любимого поэта:

Что же, камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить.

— Не перепутай меня с Леной,— шепнула Галочка.

◆ — Однако, пора и прощаться,— Андрей вскинул на плечи свою котомку и взял в руки сумку подруги. Лена обнялась с Галочкой, у обеих скользнули по щекам слезы, что-то прошептали друг другу на ушко. Хозяйка полуобняла Андрея за плечи и дружески чмокнула.

— Идите, ребята, и... до встречи в Тулуповске или здесь же следующим летом! Еще надеюсь, Галчонок, погулять с тобой вволю в центральном парке — с колясками, конечно!

Погрустневшая от разлуки с Леной парочка догнала колонну.

Но обещанный Галочкой сюрприз опередил другой: по причине погоды и занесенных сельхозтехникой грязью районных шоссеек вместо автобусов завод прислал пару кунгов*: без окон и с лавками вдоль трех стен кузова. Ехать в кунге что в танке или в космическим корабле.— Кому какое сравнение больше нравится... Опытные инженеры предпочитают сокращать долго тянущееся время поездки и оторванность от окружающего пространства — свет и звук в кузов не проникают — слабо неуме-

* Военно-транспортная машина на базе ГАЗа или КАМАза с КУНГ'ом — кузов унифицированный герметичный, то есть короб со скошенным по углам потолком из многослойной толстой фанеры со специальной пропиткой — пуля не пробьет! — и с окантовкой по наружным углам металлом. Окрашен в защитный темно-зеленый цвет.

ренным употреблением водки с червивкой и россыпью анекдотов про руководителей партии и правительства.

Мигом сообразив насчет диспозиции посадки, Андрей повел подругу к чуть дальше стоявшей машине, еще без тихо матерящейся и женски ойкающей очереди. Поднявшись по жестко закрепленным рифленым ступенькам, заняли место в самом углу у торцевой стенки с входной дверью. Хотя здесь и сильнее всего дорожная качка, зато почти уединение. К тому же рядом сел Соловьев, деликатно отгородившись от парочки поставленным на скамью футляром с баяном.

Когда суета посадки улеглась, в дверь заглянул старшой Алдошин, пересчитал путешественников указательным пальцем, в уме сложил с ранее посчитанными в другой машине: «Все, поехали, я в шоферской кабине!» — и захлопнул тяжеленную, окованную стальными угольниками дверь. Наступила темнота, самую малость подсвечиваемая контрольной лампочкой в синем плафоне, забранном в решетчатую накидку — под потолком кузова на торцевой стенке за кабиной водителя. Впрочем, даже самый слабый отсвет от нее затухал на футляре баяна Соловьева.

Раскачиваясь, машина тронулась, поворачиваясь резко вправо-влево, выехала на шоссе и пошла ровно, а монотонное, как в кресле-качалке, «кивание» задника кузова сразу потянуло в полутьме в теплый сон. Андрей и Галочка, расстегнув свои куртки, крепко обнялись и замерли в долгом, непрекращающемся поцелуе. Она ровно, медленно дышала, казалось, уже спала, если бы не облизывающее движение ее язычка. Но ведь и это может быть в нечутком, расслабленном полусне? Но Андрея сон не брал — с новой силой вспыхнуло утоленное было под утро возбуждение, да еще после трех ночей не совсем полной, естественной близости: завершался женский месяц.

— Терпи, казак, атаманом скоро будешь,— шепнула она, на миг прервав нескончаемый поцелуй, тотчас вернувшись к нему. «Медовый месяц в швейцарской деревушке,— бессознательно подумал он,— а дальше что?» Она вновь оторвалась и поправила: «Не что, а где, мой друг и любимый. Подожди до конца путешествия в отсеке обитаемой космической станции». Не то чтобы не удивляясь, но даже не задумался о ее чтении мыслей. Привык за почти полный месяц. «Кругом шиповник алый цвел...»* — вспомнилось ему — и сон сковал их, навек обнявшихся, до конца поездки.

Машина остановилась с медленным разворотом так, что стало понятно: это не шлагбаум железнодорожного переезда, но именно окончание пути. Дверь со стальным грохотом распахнулась, послышался повеселевший голос Алдошина, радующегося окончанию его начальственной ответственности: «Все, господа колхозники, на выход! Напоминаю: два банных дня, а насчет отгулов — со своими руководителями решайте».

Разгрузившись, машины тронулись в сторону заводских транспортных ворот, а толпа прибывших на глазах начала таять: кто к ближней трамвайной остановке, другие по переулку к оживленной даже в слякоть большой улице с ее автобусами и троллейбусами, живущие неподалеку — в пешем порядке. Андрей вопросительно посмотрел на еще не отошедшее ото сна, но почему-то улыбающееся лицо Галочки: долгий трамвай на его городскую окраину следовал по рельсам вдоль заводского фасада, а Галю нужно провожать до троллейбуса. Она взяла Андрея под руку и действительно повела по переулку в сторону остановки. Но как-то уверенно вела, вроде не он ее провожает, а она ведет, явно не собираясь расставаться. Молчала, но глубоко дышала, как человек, делающий очень решительный шаг.

Нужный *ей* троллейбус подкатил тотчас.

— Поехали,— они поднялись, Андрей отыскал глазами свободное сиденье, но Галочка остановила его на задней площадке,— нам всего три остановки.

---

* И. А. Бунин «Темные аллеи».

Как-то все не сходилось, помнил из ее разговоров с Леной, что живут они вверху проспекта, а до него отсюда далеко не три остановки. К тому же этот троллейбус идет в противоположную сторону... Но она все молчала и молчала загадочно. Сошли на третьей остановке, вновь повела груженого вещмешком и сумкой Андрея, уверенно охватив его руку, в глубь квартала разношерстных домов старой постройки и нынешних «хрущевок», вскоре остановилась перед четырехэтажным домом о двух подъездах. Видно было, что верхний этаж когда-то был надстроен. Поднялись же на второй. Галочка остановила спутника перед обитой дерматином «под кожу» дверью, слишком широкой и высокой для современных строительств, щелкнула замком своей сумочки, достала ключ и открыла.

— Заходи, милый, теперь уже в *наш* дом! Да не столбеней ты, это загодя намеченный сюрприз. Он сюрпризом и для меня-то оказался за пару недель до нашего отъезда в колхоз. Давай, разоблачайся и осматривайся, а я на пару-тройку минут к соседям, позвонить домой, что прибыла с полей... и не одна.

— Представляю реакцию...

— Наконец-то отошел! Реакция будет нормальной, я у папы-мамы правильная дочь. И так уже из-за нашей с тобой одиннадцатилетки и моей шестикурсовки в «пентагоне» хотя и в шутку, но перестарком именуют. Раздевайся, вот *твои* тапочки, приду — поесть приготовлю, все спокойно за ужином расскажу.

— Так из чего ужин-то готовить, давай я в магазин схо...

— Обратил внимание на тяжесть сумки, что нес? Ленка еще более хозяйственная, чем я, припасов на пару-тройку дней всучила, а у моей бабули, теперь номинальной ответственной здесь квартиросъемщицы, всегда что-то припасено — и на маленькую свадебку достанет! Впереди два банных дня, так что успеем с твоими и моими родичами взаимно перезнакомиться. Поставим, как любит говорить Трибелин, перед свершившимся фактом... Я пошла, а ты осваивайся.

Все еще ошеломленный скорее от быстроты смены кадров событий, Андрей, впервые в жизни попавший в старинный дом с полнометражной высоты потолком, осмотрелся: большая комната после широкой, основательной прихожей с двумя дверями — ванная отдельная, за ней, явно отгороженные от той же комнаты, маленькая спаленка и напротив ее кладовая. Еще одна дверь из большой комнаты — на кухню, тоже поместительную. Мебель, конечно, не чета Елениной, но с уклоном в почтенные годы. Много книг.

Все же задумался: если это старой, скорее всего дореволюционной, постройки дом, то разве тогда условные однокомнатные квартиры имели место быть? Вошла Галочка, сразу ответила на его молчаливое недоумение:

— Это бывшая, дореволюционная то ли финансовая, а может какая-нибудь налоговая губернская управа. Дважды перепланировывалась и переустраивалась: в конце двадцатых годов и в пятидесятых. В основном, дробилась на квартиры и квартирки, достраивалась четвертым этажом. Спаленку отгородили от доставшейся при переустройке большой комнаты, еще когда меня в проекте не было, а только что поженившиеся мои родители здесь же проживали.

Иди, прими ванну, я сейчас колонку на кухне включу, стряпней пока займусь. И дождись меня там же... свою любимую искусительницу!

...За ужином под бабушкины кагор и графинчик настоенной на апельсиновой корке водки, причем Андрей барствовал в кожаном кресле, запахнувшись, не хуже Левы в колхозном клубе, в наследственный бухарский халат, выслушал Галочкину диспозицию.

Сама она доселе жила с родителями и семьей брата в трехкомнатной квартире, а бабуся, очень известная в городе учительница, здесь, одна после кончины дедушки.

Теперь, когда золовка вышла на работу, бабуся по своей воле переселилась туда тетешкать и воспитывать внучку, а Галочку определили на постой сюда, учитывая будущее... теперь уже свершившееся обретение второй половины.

— ...Чокнемся за наш бурно начатый роман! Кстати, это уже из только что состоявшегося телефонного разговора,— как раз учитывая скоротечность романа, моими строгими, но справедливыми родителями, а особенно педагогической бабусей, велено нам год прожить, так сказать, в морганатическом браке, без официальной регистрации, а они будут держать руки на пульсе: разбежимся или нет? Я за второе, а ты? Шучу-шучу, конечно. Нас уже на небесах повенчали, хотя и стоим на учете в комсомоле... Ничего, что я так бесцеремонно все наперед по полочкам раскладываю? Я, как сумел за месяц заметить, вообще-то особо романтичная, хотя и сугубая однолюбка, поэтому лучше сейчас один раз обговорить все, так сказать, о быте и буднях, чем все время это обмусоливать. Через год официально поженимся, пропишем тебя в родительскую квартирку и, с учетом справки о моей тогдашней начальной беременности, по квадратометрам нас поставят на жилищную очередь... ладно, не задумывайся, пойдет баиньки на новом, надеюсь, долгом месте.

В ту первую ночь в *своем* доме они установили личный рекорд. Истинно говорится: на новом месте сон не идет.

...Так по росписи Галочки все и произошло за одним исключением: новость о своей беременности она сообщила Андрею, не дотянув несколько месяцев до года: в середине жаркого лета вскоре после знаменитой истории с окрошкой. Тотчас уехали в отпуск в Крым, а вернувшись, официально поженились.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Забыв на время о ракетах, учимся жизни в Литинституте

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)

СВЯЗНОЙ

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным Институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального Агенства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 1. Гусь в яблоках

Лето 1942 года. Северная Ладога. Карелия.

— Эх, ты ж, екарный бабай! — выругался Петр Иванович. Отвлекшись, он промазал мимо полена. Топор, жалобно взвизгнул, и впился в пень почти на треть. Полено гулко хлопнулось о траву. Петр Иванович уперся сапогом в основание пня, и потянул древко наверх. Обожженные руки еще болели и плохо слушались хозяина. Рядом снова раздался шум возни, пыхтение и приглушенный детский смех. Петр Иванович опять невольно посмотрел в сторону курятника.

— Ишь, ты! Увалень какой, чтоб его! Мотя! Ты его не задуши там! Вы, прям как два богатыря, только енто, карликовые! — Петр Иванович почесал непривычно короткую, чернявую бороду.

— Как же, задушишь! Он-то, вона какой — здоровенный! — отозвался четырехлетний крепыш Матюшка. Он шумно сопел, пытаясь уцепиться за гладкое, кургузое тело, и завалить непокорное животное набок. Наконец, изловчившись, мальчик повис на его крепкой, длинной шее. В этот момент, перепончатая лапа просунулась между Матюшкиных ног, и ловко подсекла его. Оба, слившись в один увесистый клубок, покатились под горку, в сторону зарослей крапивы.

— Ой-ей! Как жжется! — раздался оттуда истошный Матюшкин крик — Маам! — Мальчик уже ревел в голос. Петр Иванович кинул освобожденный, наконец, топор и поспешил на помощь к сыну.

— Говорил же тебе, осторожней с гусем этим, будь он неладен. Сильно обжегся?

Матюшка от души голосил, размазывая по толстым щекам слезы, сплошным потоком, бежавшие из маленьких, почти черных, как у отца, глазок. На его руках и лице уже начинали набухать розовые, крапивные волдыри. Виновник происшествия был неподалеку. Он робко перетаптывался с лапы на лапу, смешно вытягивал шею, и пытался заглянуть прямо в глаза мальчику. При этом он шумно дышал, надувая толстые, мягкие ноздри.

— Да уйди ты! Ирод! — Петр Иванович с силой отбросил увесистую тушку в сторону. Животное громко, со стоном, выдохнуло. В его больших, миндалевидных глазах, как будто, отразилось сочувствие.

— Ишь ты! Жалеет тебя, никак! Ну, иди-ка посмотрю.— Выбежавшая на крики мать, обтерла руки о передник и заботливо нагнулась к сыну.

— Ну-ка, тихо! Тсс! Перестань реветь! — Рука отца крепко зажала Матюшке рот.

Во внезапно наступившей тишине, отчетливо послышался рокот моторов. Звук приближался.

— Вот черт! Близко уже! — В голосе Петра Ивановича послышалось беспокойство.

Мария, его жена, побледнела так, что это было заметно даже через смугловатую кожу. В ее типично карельских, глубоко посаженных, темных глазах застыл безмолвный страх.

— Петь, что будет то, что будет? Никак все напасти на нас разом решили навалиться? — Она прижала к подолу Матюшку. Мальчик все еще всхлипывал, размазывая слезы по раскрасневшемуся лицу. Черные, как смоль, волосы Марии сливались воедино с таким же, черным шерстяным платком. Одежда тоже, вся была темного цвета. От этого совсем еще молодая женщина казалась намного старше своих лет.

— Чему быть, того не миновать. Мотя! А ну-ка бери гуся и в курятник. Там его в загончик, к гусыне запихни. А сам в углу, в сене спрячься, от греха подальше — и ни гугу чтоб! Если спросят, скажи — курей загонял,— Петр Иванович легонько подтолкнул сына: «И не реви уже, от крапивы еще никто не умирал! Заживет!»

— Так заклюет же, гусыня! — Волдыри на лице Матюшки начали краснеть.

— Он сам, кого хочешь... А ты, будь мужиком! Негоже мужику гусыни бояться! — Звук моторов был уже совсем близко.— Быстро беги, не разговаривай! Маша, пошли отсюда! Не привлекай внимания! — Он потянул остолбеневшую от растерянности жену, в сторону от курятника.

— И это, сними ты платок этот! А то, как на похоронах, ей-богу!

— Да как ты можешь! — всхлипнула Мария. Глаза ее заблестели от внезапно нахлынувших слез.

— Цыц, у меня! — рявкнул Петр Иванович и решительно сдернул платок с головы жены. Затем, вдруг мягко обнял ее за плечи: — Идем, Маша! Идем. Ничего не вернуть уже...

Отвернувшись в сторону, чтобы не слышала жена, он чуть слышно прошептал: «Прости ты нас, сынок! За ради Бога, прости!»

* * *

Два мотоцикла с коляской и блестящая на солнце, черная с хромом легковушка, грузно перевалившись через последние ухабы, остановились возле лесного домика.

Автоматчики заглушили мотоциклы и подобострастно выстроились возле автомобиля. Водитель открыл дверцу, и вежливо поклонился. Сверкая глянцем начищенных сапог, из машины появился манерный офицер в красивой, серой шинели. Кроме обычных знаков различия, на ней были нашивки виде меча, перехваченного петлей, и знаки, похожие на гусиные лапки на рукавах. Петр Иванович никогда не видел в поселке ничего подобного. У финнов была другая форма. А эсэсовцы, те, что охраняли лагерь, выглядели гораздо проще, и форма у них была черная. «Может, это кто-то из старших офицеров? Что ему надо? Может, кто донес? Да нет, прошло уже две недели. И ни до, ни после, тут никого не было. А медведи, слава Богу, говорить еще не научились».— Петр Иванович успокаивал себя, как мог, стараясь ничем не выдавать внезапно нахлынувшего волнения.

Офицер, надменно посмотрел на Петра и Марию. Мария испуганно опустила гла-

за. Мохнатый желто-черный шершень, видимо, засмотревшись на необычных для этих мест посетителей, с громким жужжанием чуть не врезался в кокарду на фуражке офицера.

— Шайсе! — завизжал немец и, вынув из кармана платок, с брезгливой гримасой отмахнулся от насекомого. На безымянном пальце его белой холеной руки красовался массивный черный перстень со сдвоенной молнией посередине.

«Видать, лес-то для него непривычное место. Даже белый платочек достал, от мошки отмахиваться. Глупый. Она, мошка-то, на белое как раз и налетит. И чего ему, такому важному, тут понадобилось, в глуши? И что это у него с руками? Тоже, что ли, обжегся?» — размышлял про себя лесник, пытаясь угадать, как себя лучше вести с необычными гостями и что именно им известно.

— Идти в дом! Будем говорить! — взяв себя в руки, громко провизжал офицер на ломаном русском и уверенным шагом направился в избушку. Автоматчики затолкали туда и оробевших хозяев.

Гауптштурмфюрер СС Гюнтер фон Шлессер был в дурном настроении. Он искренне не понимал, для чего его, кадрового офицера элитного подразделения «Аненербе», выдернули из лаборатории в уютном тихом Грюнвельде. И почему вместо того, чтобы пить по вечерам после службы ароматный густой какао, что так вкусно готовила для него сдобная толстушка Гретхен, он должен опрашивать этих негостеприимных угрюмых людей.

Где настоящая работа, для которой он был так спешно вызван сюда? Для пустых бесед с этими варварами, лучше было послать сюда кого-нибудь из ребят Грюнхагена. Хоть отдела уже нет, но можно было найти кого в помощь, то есть из тех, кто уже был здесь и лучше знает, как с ними общаться. Хорошо еще, что жителей тут не много, иначе он бы сошел с ума.

Его до сих пор передергивало от отвращения, когда он вспоминал вчерашний вечер. Вросшая в землю избушка, наполненная смрадным запахом, исходившим от пучков травы, что сохли возле печи. Тут же висели, привязанные к потолку птичьи лапки. И хозяйка! Б-р-р! Он испытал какое-то необычное волнение от встречи с ней.

Этой Таппи Халоннен место в лагерной печи, как генетическому браку. А она еще пыталась строить глазки ему и его людям. Даже хотела напоить всех какой-то бурдой, которую называла чаем. Жаль, не за что было ее арестовать. Его люди осмотрели весь двор — ничего подозрительного. Если, конечно, не считать таковым серое каменное изваяние на утесе, и, бурлящее в котле, над очагом, вонючее зеленое варево. Интересно было бы узнать, сколько шнапса принял Грюнхаген, перед тем как написать в отчете: «Дама средних лет приятной наружности».

Фон Шлессер не был кровожадным мясником, как некоторые из их ведомства. Его интересовала исключительно наука. Лишь в составе СС,

«Аненербе» получила мощнейшую поддержку и максимальное финансирование всех научных разработок. Образ одноглазой горбатой женщины с вывороченными губами, протягивающей свои огромные руки-грабли прямо к его белоснежному воротничку, был ему вчера настолько омерзителен, что он бы, не раздумывая подписал ей приговор, если бы нашел причину. Но причины не было. Более того, сам Грюнхаген, как главный специалист по местным дикарям, во время еще довоенной экспедиции отметил, что она лояльна и обладает ценными знаниями, которые возможно могут пригодиться в будущем. Эх, не надо было ему хвастаться в анкете, что знает финский и русский.

Он так уже привык к чистой тиши кабинета и четко выстроенному графику. К тому же он не ожидал, что придется тут, практически в одиночку общаться с этими странными, угрюмыми людьми. Это раздражало его. К тому же, он умудрился под-

хватить чесотку после одной из экскурсий в детский отсек местного лагеря. Всю неделю он истово мазался всеми доступными медикаментами. Инфекция прошла. Но небольшая краснота между пальцев еще оставалась. Туда, в лагерь, его «любезно» пригласило местное начальство сразу по прилету. Одичавшие животные! Как они могли подумать, что созерцание немытых больных детей может доставить ему удовольствие? После этого, уже сидя в ресторане, он даже не смог в полной мере насладиться поданной ему свиной отбивной. Ему мерещились дети за темным глянцем оконного стекла. Казалось, все они стоят там, на дождливой мостовой, и жадно смотрят прямо ему в рот.

Фон Шлессер достал из мягкой, черной папки, которую услужливо протянул ему водитель, хрустящий лист бумаги: «Так. Вот Они. Последние. Смирновы. Петр, Мария. Он — лесник, жена не работает. Так. Что там еще. Двое детей. Иван, семи лет и Матвей — четырех. Всего четверо. Ну, поехали...»

— Ты видеть взрыв? — Фон Шлессер грубо ткнул аккуратно отполированным ногтем прямо в грудь Петру Ивановичу.

— Нет, господин, офицер,— Петр вытянул руки по швам, заодно спрятав за широкие галифе обожженные ладони,— Мы же в протоке живем, нам до Ладоги два поворота. Слышать слышали, громко было. И зарево опять же, а взрыва самого — нет, не видели. А что взорвалось-то?

— Тебе не положено знать! — напыщенно провизжал офицер.

— Находить что-то необычное? Ты! Говорить! — Он махнул своим белоснежным платком в сторону Марии. Та похолодела и больно сжала руку мужа.

— Говорить! — Он так близко подошел к Марии, что она ощутила не только, из каких продуктов состоял его дневной рацион, но и остатки запаха зубного порошка, которым с утра тот чистил зубы.

— Нет, нет, ничего не находили,— Мария уверенно замотала головой.— Нет!

В этот момент, из-за печки раздался протяжный стон. Мария обмерла и инстинктивно прикрыла рот рукой. Офицер резко обернулся и что-то громко крикнул автоматчикам. Те, передернув затворами, бросились за печку.

За печкой была дверь, ведущая еще в одну комнату. Посреди нее стояла большая, прямоугольная лежанка, заваленная ветошью и одеялами. В куче тряпья, лежал с закрытыми глазами худенький, очень бледный мальчик, лет семи. В изголовье лежанки были разложены испачканные сажей камни. Их было три. Размером каждый из них был чуть меньше детской головы.

«Интересно, для чего они нужны? Греют голову ему, что ли, безумцы?» — удивился фон Шлессер.

— Это сынок мой, болеет он. Без сознания! Господин офицер, пожалейте. В бреду он! — засуетилась Мария, пытаясь протиснуться вдоль стены к ребенку. Но офицер не пропустил ее.

— О! Эти русские фрау! Какой глупый ты, лесник! — Офицер противно захихикал, указывая пальцем в сторону подушки. Хрупкий белобрысый мальчик был совсем не похож на своих коренастых черноволосых родителей. Мария опустила глаза.

В памяти фон Шлессера возникли белые, мягкие плечи Гретхен. Интересно, как она там, без него? Вот ведь существа! Надо же! Такая невзрачная карелка. Живет в глухом лесу. А ведь тоже умудрилась найти себе развлечение! Да что эта — даже та, вчерашняя уродина, и то призывно улыбалась! А что уж говорить о его красавице Гретхен в окружении целого подразделения свободных молодых офицеров? Эх, надо было сделать ей предложение, перед отъездом.

Офицер пошло подмигнул Марии и протянул руку, чтобы приподнять ветошь, накрывающую кровать. Он размышлял, стоит ли отражать этот факт в отчете. Голод-

ные оборванные дети, которых он видел в лагере, грубо вторглись в приятное общение с Гретхен в его голове. Фон Шлессер невольно поморщился. В конце концов, мальчишка скоро сам сдохнет, судя по его бледному виду.

Он медленно потянул за простенькое одеяльце. Из-под края одеяла с той стороны, где стояли Петр и Мария, показался какой-то слишком гладкий остов лежанки, с легким розовым отблеском.

Петр положил руку на плечо жены, пытаясь хоть как то успокоить ее. Мария все еще стояла, потупив глаза. Все тело ее дрожало.

В это время со двора послышались крики. Офицер отдернул руку и обернулся. Из коридора раздавались звуки возни. В дверь втолкнули испуганного, шумно сопящего, Матюшку. Растолкав всех, автоматчик пропихнул его вперед, к манерному офицеру. Голова мальчика была вся в сене. Ожоги крапивы на лице, шее и руках превратились в ярко красную сыпь. Растерявшийся от такого количества людей и громких криков Матюшка, не найдя ничего лучшего вдруг прыгнул на кровать к уже лежащему на ней бледному мальчику и судорожно затряс его голову, разразившись при этом, громкими рыданиями.

— Братан! Братан! — закричал Матюшка сквозь слезы, прижимаясь к единственному близкому ему человеку, до которого смог дотянуться.

— Это мой сыночек! — вновь заголосила Мария, простирая руки к офицеру,— Пожалейте!

— Дяденька! Пожалейте! — Матюшка, оторвавшись от постели брата, вдруг бросился в ноги к офицеру.

Фон Шлессер отшатнулся, затем резко прижал к носу свой накрахмаленный платок и кинулся прочь из комнатушки.

Протискиваясь мимо голосящей Марии, он остановился на мгновение и взвизгнув своим противным высоким голосом: «Плохой русский матка! Больной дети! Совсем больной!» — быстро выскочил на улицу.

Нервным шагом он направился прямо к курятнику. Сердце Петра Ивановича в очередной раз больно сжалось. Через мгновение офицер вышел обратно, вновь брезгливо обтер нос своим белоснежным платочком и быстро сел в автомобиль, подав своим людям знак закругляться.

Еще немного побродив по двору и заглянув во все нехитрые постройки, автоматчики вслед за ним взгромоздились на свою рычащую технику и убрались восвояси.

Петр Иванович, облегченно выдохнул, хотя поведение офицера было ему и не совсем непонятно. Оставив возле постели больного рыдающих Марию и Матюшку, он отправился загонять в сарай испуганно разбежавшихся по всему подворью птиц.

В дальнем углу курятника, уткнувшись свернутой головой в опилки, лежала мертвая гусыня. Из-под грузного ее тела, нелепо торчали красные, перепончатые лапы. Крепкая деревянная дверь загона была разнесена в клочья. В стене зияла дыра.

— От ты! Гать худая! — в сердцах хлопнул кулаком по стене Петр.— Мария! Хватит там сырость разводить! Затапливай печку, будем гуся готовить!

— Какого еще гуся? — удивленно спросила жена, высунув в дверь заплаканное лицо.

— В яблоках, мать его! — Он смачно сплюнул под ноги и нервно принялся ощипывать, совсем еще теплую, птицу.

(Продолжение следует)